МУНИЦИПАЛЬНЫЙ НЕКРОМАНТ

Оин Аддэйр

Оин Аддэйр

Муниципальный некромант

«Автор»
2026

Аддэйр О.

Муниципальный некромант / О. Аддэйр — «Автор», 2026

Мы — утилизаторы. В нашем ремесле главное — не убить тварь из Разлома. С этим справится любой дурак с горящим взором и достаточным калибром. Главное — убрать за тем, кто её убил: тонны ядовитого мяса, развороченную магистраль био-канализации и едкий фон, от которого у горожан к утру лопаются капилляры в глазах.Меня зовут Логан. Я некромант. Только моя лицензия не позволяет мне поднимать армии мертвецов. Зато я могу заставить дохлого монстра самостоятельно доползти до дробилки. Всё шло по плану, пока я и моя команда не вытащили из мертвого монстра то, что должно было сгореть в городской печи. Теперь нас хотят зачистить. Мы не искали проблем. Наша цель: выжить. И сжечь дотла тех, кто решил, что человеческая жизнь стоит дешевле мусора.

© Аддэйр О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утилизация 5
Глава 2. Меченый груз 11
Глава 3. Санкция на ликвидацию 18
Глава 4. Берлога Мары 22
Глава 5. Внезапный ремонт 30
Глава 6. Точка падения 37
Глава 7. Могильник 41
Глава 8. Мясник 45
Глава 9. Чистый глаз 50
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Оин Аддэйр
Муниципальный некромант

Глава 1. Утилизация

В нашем ремесле главное — не убить тварь. С этим, при наличии достаточного калибра или пары боевых заклинаний третьего круга, справится любой дурак с горящим взором. Главное — убрать за тем, кто её убил.

Герои гильдий, штурмовики корпораций, сертифицированные маги Разломов — они живут в глянцевом мире. Вспышка плазмы, пафосный взмах клинка на камеру дрона-репортера, рукопожатие чиновника из мэрии и жирный перевод на системный счет. А дальше герой смывает с полированного нагрудника пару капель слизи и катит в бар «У Прокола» заливать глотку виски и слушать восторженный визг стажерок.

После них остаётся реальность. Развороченный асфальт, разорванные магистрали биоканализации, тонны остывающего ядовитого мяса и едкий остаточный фон, от которого у жителей окрестных кварталов к утру начинает выпадать шерсть с домашних хорьков и лопаться капилляры в глазах. Вот тогда в канал спецсвязи падает аварийная заявка, и на сцену выходим мы.

Утилизаторы. Люди с мусорным системным рангом, свинцовыми желудками и напрочь отбитым чувством брезгливости.

Я стоял по щиколотку в шипящей буро-зеленой жиже, которая ещё четверть часа назад циркулировала по слюнным железам Панцирного Гонца. Подошвы моих казенных армейских ботинок из вулканизированной резины уже ощутимо нагрелись — кислота медленно, но методично жрала подметки.

— Минус пятьдесят кредитов из премии за амортизацию обуви, чтоб тебя переехало, — негромко пробормотал я в запотевшую мембрану фильтра.

Сам Гонец лежал посреди коллектора номер 14-Б. Зрелище было монументальное: почти четыре метра сегментированного фиолетового хитина, восемь суставчатых лап толщиной с фонарный столб и морда, анатомически напоминающая промышленный шредер, в который напихали зазубренных бритв. Тварь относилась к уверенному рангу D — шустрая, стайная, способная пробить борт легкого бронетранспортера. Точнее, была способной.

Сейчас в её грудном отделе зияла оплавленная дыра размером с мусорный бак. Края раны покрылись толстой коркой черного остекленевшего шлака. Работал штурмовой боевик из корпорации «Арес» — только их штатные плазмометы оставляли этот тошнотворный, химически чистый коктейль из запаха медицинского озона и паленого белка.

Воздух в коллекторе стоял такой густой, что его можно было нарезать малярным ножом. В левом углу сетчатки, привычно размывая периферийное зрение, пульсировал интерфейс:

Обнаружен биологический объект: Панцирный Гонец

Классификация: Инсектоид Разлома / Ранг D

Остаточный резонанс ядра: 14%

Время до неконтролируемого выброса энергии: 21 минута

— Двадцать одна минута, — вслух констатировал я, щелкая тумблером рации на воротнике прорезиненного комбинезона. — Дин, прием. Ты подогнал корыто к грузовому шлюзу?

Динамик в ухе зашелся хрипом, сквозь который пробивалось надрывное подвывание пробитого глушителя.

— *Я те щас дам «корыто», босс!*— взорвался Дин. На заднем плане что-то тяжело звякнуло о железо, и водитель смачно выругался. — *У этого «корыта» пробег меньше, чем у твоей*

совести! Стою я у шлюза. Только давай без твоих обычных фокусов. Затаскивай эту дрянь аккуратно, по миллиметру. Если он мне своими обломанными жвалами опять распорет свежую антикоррозийку на полу, я тебя самого к потолку на проволоку подвешу. Я три дня эту мастику кисточкой размазывал!

— Дин, застели пол брезентом. Тем толстым, с армейских складов.

Пауза в эфире затянулась. Слышно было только прерывистое дыхание Дина и монотонный гул вентилятора охлаждения в его фургоне.

— Э-э... босс. С брезентом накладка.

— В каком смысле?

— В прямом. В нем Гарт спит. Он ещё в обед накачался кукурузной дрянью, завернулся в брезент, как куколка шелкопряда, забился на нижний стеллаж и сказал, что если кто-то посмеет лишить его тепла, он оторвет этому кому-то ногу и выбросит в реку.

Я потер переносицу сквозь резину маски.

— Ты боишься спящего Гарта?

— Босс, Гарта в радиусе пяти метров боится даже наш стартер, а у него вообще мозгов нет! Попробуй сам у него одеяло отобрать, умник.

— Отставить брезент. Готовь лебёдку и включи внутренний контур стабилизатора, — отрезал я. — Через восемнадцать минут начнётся термический распад ядра. Если эта туша жахнет прямо в коллекторе, ударная волна по трубам вышибет унитазы во всем торговом квартале наверху. И штраф повесят не на «Арес», не на «Чистый Город», а на нашу контору.

Я оборвал связь, не дожидаясь ответа, и стянул с правой руки тяжелую защитную крагу. Голая кожа мгновенно покрылась мурашками от ледяной сырости подземелья. Пальцы мелко дрожали — не от холода, от предвкушения.

Люди думают, что брезгливость лечится привычкой. Ложь. Она просто трансформируется в паранойю.

Я полез в разгрузочный жилет, выудил продолговатый баллончик медицинского изопропила с помповым дозатором.

Пшик. Пшик. Пшик.

Спирт ожег микротрещины на коже, перебивая гнилостный дух коллектора запахом стерильности. Я тщательно, растирая до скрипа, обработал ладонь и только после этого вызвал рабочий профиль:

Класс: Некро-логист (Муниципальный разряд D)

Доступные протоколы: Малая двигательная реактивация трупного материала

Резерв маны: 38/45

Муниципальная некромантия в её самом убогом, прикладном проявлении. Никаких армий скелетов. Никаких проклятий. Просто бесплатная погрузочно-разгрузочная сила.

Я опустил голую ладонь на неостывший хитин Гонца прямо под сегментом затылочного щитка. Поверхность была скользкой, покрытой тонкой пленкой мерзкой слизи, пахнущей аммиаком и тухлой рыбой. Желудок привычно сжался в тугой узел.

— ***Вставай, урод***, — прошептал я сквозь зубы.

Холод ударил изнутри — словно в локтевую вену загнали кусок колотого льда. Мана выплеснулась наружу, соединяя мои нервные окончания с мертвыми узлами чудовища. Пятнадцать единиц улетели в пустоту, опустив резерв больше чем на треть.

По мертвому телу Гонца пробежала судорога. Сначала дернулась средняя пара лап, выбивая искры из бетонного пола. Затем с влажным, чавкающим звуком раскрылись нижние челюсти. Из пробитой плазмой дыры в грудине повалил густой фиолетовый пар — системная энергия вступила в реакцию с остаточным распадом.

Тварь тяжело, со скрипом сочленений, начала подниматься. Шесть уцелевших лап распрямились, поднимая трехметровую громадину на высоту человеческого роста. Голова без-

вольно свисала на полуперебитых сухожилиях, фасеточные глаза были тусклыми, белесыми, как переваренные перепелиные яйца, но моторные функции подчинились. Связка держалась прочно — минут на десять-двенадцать контроля хватит с головой.

Я торопливо вытащил дезинфектор и снова щедро залил ладонь спиртом.

Пшик. Пшик.

Холодит. Хорошо. Кожа чистая, грязь не въелась.

— Шагай. Вперед. За мной, — скомандовал я, отступая спиной к грузовой платформе.

Гонец шагнул. Бетон под его когтями крошился с сухим хрустом. Зрелище зомбированного монстра нормального человека довело бы до инфаркта, но для меня это был просто четырёхногий контейнер с токсичными отходами, который нёс себя сам.

Мы вышли к подъёмнику. Старая грузовая клеть заскрипела всеми тросами, когда туша Гонца ввалилась на платформу, продавив рифлёный пол. Я встал у самого края, стараясь держаться с наветренной стороны, и нажал кнопку пульта. Механизм натужно взвыл, электрические дуги затрещали на старых контактах, и клеть поползла наверх, к свету.

Наверху моросил мерзкий, въедливый дождь. Тот самый сорт городской мороси, которая не смывает копоть с фасадов, а превращает её в жирную несмываемую пленку. Район перекрестка 4-й Линии и Промышленного проезда выглядел как декорация к концу света: выбитые витрины круглосуточной аптеки, оплавленный столб светофора и лужи, по которым плыли радужные разводы химикатов. Периметр был перетянут желтой светящейся лентой с гербом агентства «Чистый Город».

Их кортеж стоял тут же. Два тяжелых глянцево-белых внедорожника с бронированными решетками, мобильный аналитический фургон и пятеро бойцов в идеальной, не заляпанной ни единой каплей грязи кевларовой броне. Наемники пили кофе из термокружек с фирменной гравировкой, лениво переговариваясь и время от времени поглядывая на часы.

Ликвидаторы. Высшая каста мусорного бизнеса. У них были контракты первого приоритета, право на отстрел тварей и баснословные субсидии от муниципалитета. Они приезжали, делали замеры, ставили красивую галочку в планшете и передавали «грязный хвост» субподрядчикам. То есть нам. Правда стоит отметить, что они никогда не трусили, если на запах крови и разложения забредали Пятнистые Койоты (E ранг) или другие падальщики, смертельно опасные для таких как мы.

У самого въезда в переулок, сиротливо приткнувшись к облупленной кирпичной стене, пыхтел наш «Шайтан-Мобиль» — перекошенный фургон неопределенного серого цвета, слепленный из трёх списанных инкассаторских броневиков и молитв Дина.

— Давай, родной, топай, — буркнул я, направляя мертвого Гонца к распахнутым задним дверям нашей машины.

Дин стоял у заднего бампера, нервно теребя в руках разводной ключ тридцать второго калибра. На его тощем, измазанном мазутом лице застыла вселенская скорбь.

— Он сейчас заденет косяк, — запричитал Дин, пятясь. — Босс, клянусь всеми Разломами, он снесёт мне верхнюю петлю! Нагни его! Нагни ему башку!

Я сконцентрировал мысль, посылая ментальный импульс по ледяной связке:

«Вниз. Ползи»

Гонец послушно подогнул передние лапы, волоча развороченное брюхо по металлическому трапу, и вполз в темноту кузова. Рессоры фургона просели почти до отбойников, издав протяжный металлический стон.

— Живой! — выдохнул Дин, тут же захлопывая створку и с грохотом загоняя тяжелый засов.

Он метнулся к щитку на правом борту и щелкнул тумблером аварийного пуска. Под крышей кузова с глухим гулом ожила коробка размером со стиральную машину. Сквозь щели в дверях пробился мертвенно-фиолетовый свет.

Зафиксировано внешнее подавление

Фотонный барьер: активен

Скорость деградации ядра снижена на 80%

Время до критического распада: 4 часа 10 минут

— Стабилизатор схватил, — Дин шумно вытер нос рукавом, оставив на щеке черную полосу смазки. — Но генератор визжит как резаный. Больше сорока километров в час не поеду, иначе у нас движок клинанет прямо на виадуке.

Я не слушал. Я уже стоял у борта, вытащив баллончик.

Пшик. Пшик.

Шея, запястья, застежки комбинезона. Запах спирта создавал иллюзию безопасности, тонкую пленку порядка посреди этого хаоса из гнили и радиации.

— Эй, мусорщики! — раздался сзади сытый, вальяжный голос.

Я неторопливо убрал баллончик в карман, закрыл клапан на липучку и только потом повернулся.

От внедорожников не спеша шел старший группы «Чистого Города». Здоровяк под два метра ростом, с породистым квадратным подбородком и коротким штурмовым карабином на одноточечном ремне. На его плечевом щитке тускло переливались три серебряные плашки.

Штурмовик остановился в трех шагах от меня, брезгливо оглядел наш фургон, задержав взгляд на ржавых потеках возле глушителя, и поморщился, прикрыв нос перчаткой из тонкой мембранной кожи.

— Наряд-допуск на эвакуацию биологических отходов, — бросил он, даже не глядя мне в глаза.

— Муниципальный сектор D-4, наряд восемьдесят восемь сорок два дробь А, — ровным, подчеркнуто бесцветным голосом ответил я. — Передан через открытый реестр мэрии двадцать минут назад. Зона зачищена, протокол утилизации соблюден.

— Мне плевать на ваш реестр. — Наемник наконец сфокусировал взгляд на моем лице. В его глазах читалась та спокойная, ленивая наглость, которая бывает только у людей с рангом В и выше при общении с теми, кто застрял на дне пищевой цепочки. — По новой директиве департамента общественной безопасности, транспортировка останков класса D и выше частными подрядчиками без сертифицированного боевого сопровождения запрещена.

Дин за моей спиной тихо пискнул и начал медленно опускать разводной ключ за спину.

— У нас стандартная лицензия четвертой категории, — спокойно возразил я, не отводя взгляда. — Она включает право на самостоятельную транспортировку неактивных тел при наличии фотонной стабилизации. Стабилизатор работает. Угрозы детонации нет.

— А я считаю, что есть. — Штурмовик сделал шаг вперед, нависая надо мной. От него пахло дорогим парфюмом и кофе. — И пока я не выпишу акт экспертной оценки безопасности, эта колымага с места не сдвинется. Акт стоит триста кредитов. Наличными или прямым переводом на личный идентификатор.

Классическая схема. Муниципальный рэкет под прикрытием служебных инструкций. Если мы встанем в позу, он задержит нас на полчаса под предлогом досмотра, стабилизатор перегреется, ядро рванет, а всю вину и многотысячный штраф повесят на мелкую субподрядную контору.

Я молча поднял левую руку и постучал пальцем по оптическому датчику регистратора, закрепленному на плече.

Режим непрерывной фиксации: Активен

Синхронизация с сервером архивации: Подтверждена

— Текущее время — двадцать два сорок семь, — произнес я четко, глядя прямо в объектив нашлемной камеры наемника. — Офицер подразделения сопровождения задерживает утилизационный рейс с нестабильным объектом класса D внутри городской черты, вымогая

неучтенную компенсацию. В случае срыва фотонного барьера и детонации остаточного резонанса ядра запись с телеметрией будет автоматически направлена в центральную диспетчерскую мэрии и внутреннюю службу безопасности корпорации «Чистый город». Как думаешь, командир, чей контракт аннулируют первым?

Лицо штурмовика окаменело. Желваки на скулах напряглись, а пальцы в перчатке рефлекторно дернулись к рукояти карабина. Секунды четыре он сверлил меня тяжелым, налитым злобой взглядом, прикидывая, блефую я или действительно готов устроить скандал с привлечением арбитража.

Затем он криво усмехнулся и сплюнул под колесо фургона.

— Умный, значит. Ничего, падальщик. Город тесный. Вы ещё нарветесь на закрытый сектор без связи. Посмотрим, как тогда запоешь.

Он развернулся на каблуках и, бросив окурок прямо в лужу с химикатами, зашагал обратно к своим внедорожникам.

— По машинам, — не оборачиваясь, бросил я Дину.

Мы прыгнули в кабину. Дин трясущимися руками провернул ключ зажигания; стартер взвизгнул, зачихал, но движок все-таки схватил, наполнив салон знакомой тяжелой вибрацией.

— Босс, ты псих, — шепотом выдохнул Дин, вдавливая педаль газа и выруливая из переулка на освещенную неоном трассу. — Он же мог нас прямо там положить и сказать, что тварь ожила!

— Не мог, — я устало откинулся на продавленное сиденье, доставая из кармана влажную салфетку и методично протирая стекло респиратора. — Патроны для его карабина стоят дороже, чем весь наш фургон вместе с нами. А вот то, что он запомнил номер, — паршиво. Жми до ангара без остановок. У нас меньше четырех часов, пока стабилизатор не выжрал всю бата…

Договорить я не успел.

Сзади, прямо за нашими спинами, раздался такой сокрушительный удар, что перегородка между кабиной и грузовым отсеком прогнулась внутрь салона, осыпав наши колени сухой серой грунтовкой. Старенький фургон вильнул на мокром асфальте. Дин вцепился в баранку побелевшими пальцами и тонко, по-заячьи взвизгнул.

— Твою мать, началось! — заорал он. — Босс, я же говорил! Твой дохляк взбесился! Он щас расковыряет фургон изнутри!

Следом за вторым ударом заскрежетала задвижка смотрового окошка в перегородке. Стальная пластина с визгом съехала в паз, и в узком прямоугольном проеме возникло нечто, мало напоминавшее человеческое лицо.

Красная, опухшая физиономия с трехнедельной жесткой щетиной, один заплывший глаз, второй — горящий мутной, похмельной яростью, а на плечи, словно погребальный саван царя Соломона, был намотан тот самый армейский брезент. От этого явления в кабину мгновенно хлынула удушливая волна перегара из дешёвого кукурузного дистиллята, застарелого табачного дыма и немытого мужицкого тела.

Интерфейс на сетчатке моргнул, выдав системную справку:

Объект: Гарт (Фамилия отсутствует в реестре)

Ранг Системы: A (Заблокировано) Текущий функционал: D

Класс: Танк первой линии (В отставке)Текущий класс: Крушитель

Статус: Тяжёлая интоксикация этанолом / Крайняя степень раздражения

Уровень угрозы для окружающих: Непредсказуемый

Гарт сфокусировал единственный открытый глаз на затылке Дина, затем медленно перевел тяжёлый взгляд на меня.

— Дин, — проскрежетал он голосом, похожим на звук перемалываемого в бетономешалке гравия. — Ты какого хрена подселил ко мне эту селёдку переростку?

— Гарт, спокойно, мужик, — залепетал Дин, глядя на него исключительно через зеркало заднего вида и боясь повернуть голову. — Это заказ! От мэрии! Мы не могли тебя будить, ты же сам сказал... ты грозился оторвать мне...

— Она холодная, — перебил Гарт с ледяным бешенством. — Я сплю. Мне снится, сука, весна. Теплый день на набережной, чебурек с бараниной и холодное разливное. И тут мне в ухо тычется фиолетовая, склизкая херня шириной с помойное ведро. Я открываю глаза, а надо мной висит вот это. И щёлкает.

— Оно не щёлкает, оно мертвое, — попытался вставить я, вынимая из кармана спасительный флакончик изопропила и машинально сбрызгивая приборную панель перед собой. — Там двигательная память и фотонный барьер. Тварь в стазисе.

Пшик. Пшик.

Гарт шумно втянул носом воздух, учуял спирт и скривился так, будто ему под нос сунули дохлую крысу.

— Логан, убери свою вонючку, и без тебя тошно. Если твой таракан ещё раз дернет лапой в мою сторону, я не посмотрю на твою премию от мэрии. Я оторву ему клешню и забью её ему же в выхлопное отверстие. Понял меня?

— Не трогай его, Гарт, — нахмурился я, поворачиваясь к окошку. — Повредишь хитиновые сегменты — оценщик на полигоне срежет выплату на треть. Чем нам тогда закрывать твой долг в портовом кабаке? Напомнить, сколько ты нагулял в прошлую пятницу, когда пытался бороться на руках с гидравлическим погрузчиком?

Гарт на секунду завис, явно пытаясь продраться сквозь алкогольный туман к воспоминаниям о пятнице. Судя по тому, как дернулся его левый ус, память подкинула ему пару ярких картинок со сломанным манипулятором и законниками.

— Погрузчик мухлевал, — буркнул он уже тише. — У него поршень клинил на реверсе...

— Вот и сиди тихо. Завернись обратно в брезент и дыши ровно. До полигона сорок минут.

Гарт тяжело вздохнул, и этот вздох внутри железного кузова прозвучал как работа кузнечных мехов.

— Ладно. Но если эта пакость на меня протечет — мыть кузов будете вдвоем с Дином.

Стальная заслонка с грохотом захлопнулась. За перегородкой послышался тяжелый шорох жесткого брезента, недовольное кряхтение и смачный глухой звук — видимо, Гарт для профилактики все-таки от души пнул мертвого Гонца сапогом в бочину.

В кузове на миг протестующе взвыл стабилизатор:

Внимание: механическое воздействие на объект

Колебание резонансного контура: 4%

Статус барьера: Стабилен

— Святые шестеренки, — прошептал Дин, шумно вытирая пот со лба прямо рукавом, не снимая рук с руля. — Пронесло. Босс, давай в следующий раз мы сначала выгрузим Гарта, а потом уже будем грузить многоножек? Или наоборот. Но только не вместе. У меня сердце слабое, мне ещё кредит за распредвал выплачивать...

— Жми на газ, Дин, — устало бросил я, глядя, как капли дождя на лобовом стекле рассекают мутные огни пригородного шоссе. — И не ной.

Глава 2. Меченый груз

Подвеска нашего фургона умела издавать ровно три звука: жалобный визг, скрежет металла по асфальту и глухой стук, после которого обычно вытекало масло.

Сейчас она выдавала всё сразу.

— Дин, яму объедь, — сказал я, не отрывая взгляда от бокового зеркала. За нами никто не ехал, но привычка проверять хвост глубже, чем трупный яд въедается в кожу.

— Сам объедь, если такой зрячий, — огрызнулся Дин, с силой вбивая рычаг третьей передачи. Шестерни взвыли, как недобитый плесневик. — Тут асфальта нет с девяносто восьмого года. Здесь одни направления и воронки от плазмы. И вообще, стабилизатор в кузове жрёт аккумулятор. Если генератор сдохнет, твой дохлый рак начнёт вонять так, что нас на въезде в промзону сожгут вместе с машиной.

— Не сдохнет, — хрипло донеслось из кузова.

Гарт даже не открыл глаз. Он сидел, уперев колени в ящик с инструментами и баюкал на груди пузатую бутылку дешевого кукурузного пойла. Пробка была на месте. Он не пил — просто держал её тяжелыми, загрубевшими пальцами, словно гранату с выдернутой чекой. Второй рукой он время от времени касался медной винтовочной гильзы, висевшей на шнурке поверх засаленного свитера.

— Не сдохнет, — повторил Гарт. — Машина боится Дина больше, чем Разлома.

— Очень смешно, старик, — буркнул Дин, но на газ нажал плавнее.

Мы свернули в тупик заброшенного кирпичного завода. Здесь пахло мокрой золой, гнилыми досками и тяжелым духом застоявшейся химической жижи. Наш ангар ничем не отличался от десятка соседних: ржавые ворота, облупившаяся вывеска «Вторчермет-4» и колючая проволока под слабым током, запитанная в обход городских счетчиков.

Дин нажал скрытую кнопку под приборной панелью. Створка со скрипом поползла в сторону, открывая бетонную пасть бокса.

Внутри было сухо, холодно и пахло хлоркой.

У дальней стены, прямо под аварийным прожектором, мерцали три монитора. За складным столом сидела Мара. Спиной вплотную к глухой кирпичной кладке, капюшон натянут до самого носа, пальцы барабанят по изношенной клавиатуре так быстро, будто от этого зависит подача кислорода в помещение.

Услышав гул мотора, она даже не повернулась. Только экран крайнего монитора мигнул, переключаясь на картинку с наружной камеры.

— Опоздали на двенадцать минут, — бросила она, не прекращая печатать. — Корпоративные сканеры дважды прочесывали шестой сектор. Если бы вы задержались ещё на триста секунд, я бы стёрла логи этого гаража и ушла через коллектор.

— И тебе добрый вечер, параноик, — вздохнул Дин, глуша двигатель. Тот заглох с протяжным металлическим вздохом. — Нас чуть не ошкурил патруль «Чистого Города».

— Я знаю. Я перехватила их доклад.

Мара наконец развернулась на стуле. Лицо бледное, синяки под глазами размером с монету в пять кредитов. Перед ней стояла пустая банка из-под бобов и термос с холодной водой.

Дин молча вылез из кабины, подошел к столу, отодвинул локтем моток сетевого кабеля и поставил перед девушкой помятую картонную коробку с еще теплыми чебуреками из круглосуточной лавки на углу.

— Жри, — сказал он. — А то от тебя одна тень осталась. Клавиатуру проломишь костями.

Мара покосилась на коробку. Ноздри её дрогнули.

— Там лук, — сказала она с подозрением.

— Там мясо неизвестного ранга, тесто и жир. Белка хватит, чтобы твой процессор в башке не закоротило. Жри, говорю.

Она не сказала спасибо. Просто пододвинула коробку ближе, достала один чебурек двумя пальцами и откусила, тут же уткнувшись обратно в монитор. Дин покачал головой, стянул промасленную куртку и бросил её на спинку соседнего кресла.

Я обошел фургон и распахнул задние двери.

Фиолетовый свет фотонного стабилизатора неприятно резал глаза. Труп Панцирного Гонца лежал неподвижно, но воздух вокруг него уже начинал дрожать. Мелкая паутина остаточного фона — едва заметные сизые искры — поднималась от пробитого плазмой панциря.

Внимание!

Эффективность фотонного барьера снижается.

Остаточная энергия объекта: 13%.

Время до критической нестабильности: 3 часа 40 минут.

— Гарт, принимай зацеп, — позвал я.

Бывший танк ранга А тяжело поднялся с сиденья, подошел к кузову и молча взял тяжелый стальной крюк на цепи, свисавшей с потолочной балки. Его широкая ладонь, покрытая белесыми шрамами от осколочных ожогов, даже не дрогнула, когда он вогнал крюк прямо под хитиновый щиток на загривке твари.

Раздался влажный хруст. Из раны брызнула густая черная сукровица.

Я рефлекторно отступил на шаг, вытащил из набедренного кармана баллончик и щедро залил ладони антисептиком.

Пшик. Пшик.

Запах медицинского спирта ударил в нос, выжигая сладковатый душок разложения. Я тщательно потер пальцы, чувствуя, как испаряющаяся жидкость холодит кожу. Только после этого дыхание выровнялось.

— Ты когда-нибудь сотрешь себе кожу до костей, парень, — глухо бросил Гарт, нажимая кнопку тельфера.

— Ну и отлично, кости даже проще мыть будет, — ответил я, подходя к пульту био-печи.

Био-печь занимала добрую треть ангара. Старый, клёпаный чан из термостойкой стали, соединенный трубами с тремя фильтрационными баками. Внутри плескалась едкая смесь кислот и катализаторов распада. Она переваривала любую органику ранга D и ниже, превращая кости, хитин и ядовитые железы в стерильную серую жижу — удобрение высшего класса, которое мэрия скупала для гидропонных ферм Зелёного Пояса.

Лебедка взвыла. Трёхметровая туша Гонца плавно поднялась в воздух, закачалась над открытым люком печи.

— Мара, сброс давления в норме? — крикнул я.

— В пределах погрешности, — отозвалась она с набитым ртом. — Шесть атмосфер. Кислота свежая, Дин вчера залил нейтрализатор. Кстати, по контракту: мэрия подтвердила приемку зоны. Нам капнуло девятьсот сорок кредитов.

— Должно быть тысяча двести, — нахмурился Дин, протирая гаечный ключ грязной тряпкой.

— Комиссия агентства, налог на утилизацию второго класса и штраф за использование спецполосы, — сухо перечислила Мара. — «Чистый Город» подал встречную претензию. Заявили, что мы создавали помехи их патрулю.

— Твари, — сплюнул Дин. — Сами встали поперек перекрестка со своим кофе, а мы виноваты.

— Плевать, — сказал я, глядя на зависшую над люком тушу. — Девятьсот сорок хватит на топливо и фильтры. Гарт, трави трос. Потихоньку.

Цепь зазвенела, туша начала опускаться. Из приоткрытого зева печи пахнуло кислым химическим жаром.

И тут что-то пошло не так.

Система внутри моей черепной коробки не просто звякнула — она взвыла коротким, паническим импульсом.

Тревога!

Обнаружена аномальная сигнатура внутри объекта.

Классификация: неопределенно.

Всплеск остаточной энергии: 45%... 60%...

— Стоп! — крикнул я. — Гарт, стопор!

Гарт среагировал мгновенно — рванул аварийный рычаг, и цепь натянулась струной. Туша замерла в полуметре от бурлящей кислоты.

— Что там? — Дин вскинул голову, бросая ключ.

— Брюхо, — я указал пальцем на нижнюю часть Гонца. — Смотрите.

Хитиновые пластины на брюхе твари не просто вздулись от трупных газов. Они пульсировали. Из-под сочленений сочилась не желтая сукровица, а белесая, светящаяся слизь, похожая на расплавленный воск. И эта дрянь издавала мерзкий, высокочастотный треск, от которого заломило зубы.

— Логан... — Мара резко встала со стула. Экран её планшета вспыхнул багровым. — У него внутри активный узел. Это не биология. Там плотный резонанс. Частота... чёрт, откуда у него эта частота?

— Отойди от терминалов, — бросил я.

Я подошел к висящей туше, вытащил из ножен на поясе тесак для разделки — тяжелую полосу закаленной стали с лазерной заточкой.

— Дин, дробовик Гарта на предохранителе?

— Я всегда готов, — глухо отозвался старик. Бутылка стояла на верстаке, в руках Гарта уже лежал тяжелый двенадцатимиллиметровый помповик с укороченным стволом. Взгляд старика изменился. Пропала мутная пьяная полудрема. Это был взгляд человека, который видел, как закрываются Разломы первого поколения.

Я вогнал клинок в щель между брюшными сегментами и нажал всем весом.

Хитин с треском лопнул. На бетон хлынул поток горячей дурно пахнущей дряни, а следом за ней из нутра Гонца с шипением повалили твари.

Не личинки.

Обнаружены враждебные объекты.

Класс: Падальщики-трупоеды (модифицированные).

Количество: 6.

Особенность: Едкая секреция, симбиотическая связь.

Размером они были с откормленного пса — слепые, покрытые белёсой плесенью и шипами, с челюстями, напоминающими раскрытые капканы. Они вывалились на пол, мгновенно распрямляя многосуставчатые лапы, и с визгом бросились во все стороны.

Один метнулся в сторону верстака, где стояла Мара.

— Назад! — рявкнул я.

Пальцы сами нашли системный контур. Ледяной холод маны рванул по жилам, вышибая дыхание.

Навык: Малое оживление (сегментарное).

Резерв маны: 18/45.

Мертвая голова висящего на крюке Гонца дернулась. Его левая жвалок-коса, длинная и острая, с хрустом распрямилась по моей воле и ударила сверху вниз, пригвоздив прыгнувшую

тварь прямо к бетонному полу. Брызнула черная жижа, тварь завизжала, забилась, но хитиновый шип держал намертво.

Грохнул выстрел.

Грохот в закрытом помещении ударил по ушам так, что зазвенело. Второго трупоеда буквально размазало по створке печи — Гарт стрелял навскидку, даже не прижимая приклад к плечу. Тяжелая картечь вырвала кусок плоти вместе с лапами.

Третий взлетел на капот фургона, царапая краску.

— Ах ты ж падаль! — взревел Дин. Он не стал искать оружие — под руку попался двухкилограммовый балансировочный груз на тросике. Дин крутанул его над головой и с коротким замахом впечатал твари прямо в плоскую морду. Хрустнули кости, уродец кубарем скатился под колеса.

Оставалось еще три. Два синхронно метнулись к Маре. Девушка не завизжала — она вжалась спиной в кирпич, выставив перед собой тяжелый металлический огнетушитель.

Гарт сделал шаг вперед.

Он не успевал перезарядить помповик. Просто выбросил вперед левую руку.

Активация навыка: Глухая оборона (локальная).

Кожа на его предплечье мгновенно посерела, покрываясь трещинами и фактурой необработанного гранита. Тварь вцепилась зубами прямо в эту каменную корку. Раздался мерзкий звук крошащихся зубов. Гарт даже не поморщился. Свободной правой рукой он перехватил уродца за шею, оторвал от себя и со всего маху вбил головой в угол верстака. Один раз. Насмерть.

Последнего я добил сам — перехватил тесак двумя руками и вогнал лезвие под основание черепа, провернул и наступил тяжелым ботинком.

Тишина рухнула на ангар, нарушаемая только шипением кислоты в био-печи и тяжелым дыханием Дина.

— Мой капот... — просипел водитель, глядя на глубокие борозды на металле. — Тварь ободрала мне грунтовку. Я её три недели назад положил.

Гарт с глухим стуком опустил руку. Гранитная корка осыпалась с кожи серой пылью, обнажая старые белые шрамы. Он тяжело перевёл дух, подошел к верстаку, взял свою бутылку и отвинтил крышку. Сделал один короткий, жадный глоток. Горло дёрнулось.

— Не F-ранг, — хрипло сказал он, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Они были накачаны стимулятором. Зубы модифицированные. Такие в Разломах не водятся.

Я не ответил. Я стоял над распоротым брюхом Гонца.

Руки мелко подрагивали — откат от резкого расхода маны всегда отдавал тошнотой и холодом в затылке. Достав баллончик, я яростно, трижды залил перчатки дезинфектором. Спирт щипал свежую царапину на запястье, но мне было плевать. Чистота. Нужно смыть эту дрянь.

— Мара, — позвал я, не оборачиваясь. — Посвети сюда.

Девушка подошла, держа в руке узкий диодный фонарик. Луч света разрезал полумрак и уперся в месиво кишок и хитина, висящее над печью.

Там, в самой глубине разорванной грудной клетки Гонца, что-то тускло светилось.

Это был не внутренний орган.

Я подцепил кончиком тесака инородное тело и потянул наружу. На бетон с влажным шлепком упал предмет размером с кулак.

Кристалл. Неправильной формы, с грубо обколотыми гранями, он мерцал изнутри грязным, маслянистым багрянцем. Но страшно было не это.

Кристалл был оплетен тончайшей сеткой матово-черных микропроводников, буквально вплавленных в кристаллическую решетку. На стыках граней тускло пульсировали микроско-

пические узлы пайки — настолько аккуратные, что никакой мутацией или капризом Разлома это объяснить было нельзя.

Природа так не умеет. Так умеют только в закрытых лабораториях с многомиллиардными бюджетами.

Мара опустилась на корточки, не обращая внимания на лужу своих кроссовок. Она поднесла к кристаллу портативный сканер. Прибор тонко пискнул, на маленьком экранчике побежали зеленые строчки данных.

Лицо Мары стало белее мела.

— Это не мутация, — прошептала она. Голос сорвался. — Этот Гонец... его не просто убили в коллекторе. Его вели. Этот осколок работал как маяк.

— Чей маяк? — нахмурился Дин, подходя ближе с монтировкой в руке.

Мара подняла на меня глаза. В них плескался первобытный, застарелый ужас, который я видел у нее лишь однажды — когда мы вытаскивали ее из подвала под руинами исследовательской станции.

— Здесь маркировка, Логан, — тихо сказала она. — Серия «Омега-7». Проект «Сердце».

— Не трогай голыми руками! —жестко бросил Гарт.

Он уже стоял рядом, тяжело опираясь ладонью на край разделочного стола. В другой руке старик держал толстые латунные щипцы для тиглей. Одно точное движение — и светящийся осколок перекочевал с бетона в глубокий эмалированный лоток, где обычно отмокали в щелочи мелкие запчасти.

Я не удержался. Достал баллончик.

Пшик. Пшик.

Спирт зашипел на металле лотка, запахло чистым спиртом и жженой проводкой. Ледяной озноб от потраченной маны всё еще гулял по позвоночнику, но теперь к нему примешался мерзкий холодок чисто человеческого страха.

— Гарт, ты такое видел? — я повернулся к ветерану.

Старик молчал долго. Он смотрел на багровый свет в лотке, и его тяжелое, изборожденное морщинами лицо казалось высеченным из того же серого гранита, которым он только что ломал череп твари. Пальцы Гарта снова коснулись стреляной гильзы на шее.

— Видел, — глухо уронил он. Голос звучал так, будто он ворочал во рту сухой гравий. — Восемь лет назад, когда армейские части зачищали «нулевую зону». Корпорация «Синтез-Био» ставила полевые опыты. Брали молодняк тварей из Разлома, вживляли стимуляторы в нервные узлы и смотрели, сколько солдат успеет разорвать одна особь, пока плазма не выжжет ей мозги.

— Но «Синтез» обанкротили и показательно расформировали, — вспомнил Дин, нервно сглотнув. — Директора тогда на площади перед муниципалитетом лишили системного ранга и закрыли в изолятор.

— Расформировали вывеску, дурак, — огрызнулся Гарт. — А патенты и лаборатории выкупили другие люди. Те, у кого броня почище и морды в телевизоре сытее.

Я присел на корточки перед лотком, не приближая лицо ближе, чем на полметра.

— Значит, Гонец был подопытным? Поэтому он пер через седьмой коллектор прямо к жилым кварталам? Его вели?

— Хуже, — подала голос Мара. Лицо девушки в свете экрана сканера было цвета мела. — Он не просто подопытный. Он — контейнер. И... мальчики, у нас очень большая проблема.

— Насколько большая? — уточнил я, медленно выпрямляясь.

— Кристалл генерирует локальный субпространственный пинг. Короткий импульс каждые шестьдесят секунд. На армейской частоте с плавающим шифрованием.

В боксе повисла тишина. Настолько плотная, что стало слышно, как в углу капает вода из ржавого пожарного крана.

Кап. Кап. Кап.

— Ты хочешь сказать, — голос Дина сорвался на фальцет, — что эта хреновина прямо сейчас орет на весь город: «Эй, я тут, во Вторчермете-4, заезжайте на огонек»?!

— Импульс низкочастотный, сквозь кирпичные стены и землю он пробивает слабо, метров на пятьсот, максимум на километр, — быстро заговорила Мара, и в ее голосе впервые прорезалась неприкрытая паника. — Но если в этом радиусе есть хоть один направленный корпоративный ретранслятор...

— «Чистый Город», — перебил я её. — Тот патруль у коллектора.

Пазл сложился с противным, щелкающим звуком, будто захлопнулась крышка гроба.

— Они не случайно пасли нас на выезде, — сказал я, чувствуя, как внутри все закипает. — Они знали, что тварь внизу. Возможно, сами ее туда и загнали. Но спускаться в дерьмо им не хотелось — зачем пачкать парадную броню, если можно подождать, пока муниципальные мусорщики выволокут тушу наверх? Тот хлыщ с серебряными шевронами хотел забрать ее прямо там, под предлогом проверки документов. А когда мы соскочили...

— Они просто вели нас по сигналу, — закончил Гарт.

Он не суетился. Спокойно подошел к верстаку, взял помповик, щелкнул затвором, загоняя патрон в патронник, и положил на стол четыре пачки боеприпасов с синей армейской маркировкой. Магический бронебойный. Такие не продавали в гражданских оружейных — Гарт хранил их в цинке под верстаком на «крайний случай».

Похоже, крайний случай наступил и вежливо постучал в дверь.

— Разбить его, — Дин схватил тяжелую кувалду с длинной деревянной рукоятью. — Я сейчас этот камень в порошок сотру! В пыль! Нет камня — нет сигнала!

— Стой, идиот! — крикнула Мара. — Разобьешь оплетку — получишь цепную реакцию нестабильного ядра. Здесь всё к чертям разнесет в радиусе двадцати метров, а потом откроется микропрокол ранга F. Хочешь, чтобы из твоих останков полезли крысы-переростки?

Дин замер с занесенной кувалдой, тяжело дыша. На его шее вздулись синие жилы.

— И что делать?! Сидеть и ждать, пока эти лощеные ублюдки приедут сюда с плазмометами и закопают нас прямо под этим полом вместе с нашим гребаным фургоном?!

— Мара. Свинцовый кофр для образцов, — скомандовал я.

— Не поможет, свинец не экранирует эту частоту, — мотнула головой она.

— Свинцовый кофр, — повторил я, подходя к дальнему стеллажу, где стояли старые реактивы, — и двухпроцентный раствор нейтрализатора маны. Зальем его по горло. Жидкость свяжет свободные ионы, сигнал заглохнет хотя бы на двадцать минут.

— Логан прав, — кивнул Гарт, не отрываясь от набивки подсумков патронами. — Гасите маяк. Дин — к воротам. Проверь внешний контур и блокировку привода. Если сунутся — легкой прогулки у них не будет.

Дин выругался сквозь зубы, швырнул кувалду на верстак и почти бегом бросился к распределительному щиту у въездных ворот.

Мара метнулась вглубь бокса, загремела ящиками. Через десять секунд передо мной уже стоял тяжелый серый ящик с толстыми защелками и резиновым уплотнителем по краю крышки. Я выдернул пробку из канистры с нейтрализатором — едкий запах тухлых яиц и щелочи мгновенно заполнил воздух. Плеснул треть канистры в ящик, латунными щипцами подхватил вибрирующий кристалл и опустил его на дно.

Жидкость закипела. Белая пена поднялась шапкой, багровое свечение внутри кристалла потускнело, словно уголь, брошенный в снег.

— Пинг пропал, — выдохнула Мара, глядя на экран спектрометра. — По крайней мере, я его больше не вижу. Чисто.

Я захлопнул тяжелую крышку ящика, с усилием защелкнул замки и выпрямился. Руки ходили ходуном. Я вытащил баллончик с антисептиком, но палец соскользнул с распылителя. Черт. Сжал кулак, заставляя мышцы подчиняться.

Пшик. Пшик.

Спирт попал на свежую царапину от когтя трупоеда. Зажгло так, что перед глазами на секунду поплыли красные круги, зато мысли встали на место.

— Они уже знают примерный квадрат, — сказал я, глядя на Гарта. — Даже если сигнал пропал прямо сейчас, они видели, где он оборвался. Промышленная зона заброшенного завода — тут всего три работающих ангара. Вычислят за десять минут.

— Значит, у нас есть девять, чтобы убраться, — Дин вернулся от ворот. Лицо его было серым. — Босс, фургон не потянет быстрый старт. Аккумуляторы высажены стабилизатором, если заглушим — второй раз не заведем. Надо грузиться и рвать когти через старые железнодорожные пути на окружную.

— Не успеем, — тихо сказала Мара.

Она не смотрела на нас. Она смотрела на верхний монитор, куда транслировалась картинка с обзорной камеры, установленной на верхушке старой водонапорной башни в ста метрах от нашего ангара.

Мы подошли ближе.

На зернистом чёрно-белом изображении ночной промзоны, под моросящим дождем, бесшумно двигались три силуэта.

Это были не патрульные внедорожники «Чистого Города». Никаких мигалок, никаких опознавательных знаков.

Три приземистых матово-черных броневика без номеров шли с выключенными фарами, ориентируясь по тепловизорам. Из головной машины уже высыпали четверо. Низкие, плотные фигуры в тяжёлых штурмовых экзоскелетах с глухими черными визорами. В руках — короткие карабины с массивными подствольными модулями.

Двигались они не как законники. Перекрывая сектора обстрела, методично отрезая наш бокс от единственного выезда на грунтовку.

— ЧВК «Орион», — процедил Гарт сквозь зубы. На его скулах заходили желваки. — Корпоративная служба ликвидации. Свидетелей они не берут в принципе.

В этот момент картинка на мониторе дёрнулась, пошла полосами и погасла. Вслед за ней с сухим щелчком вырубился свет во всем ангаре.

Аварийные лампы даже не успели моргнуть — кто-то снаружи перерубил магистральный кабель. На ангар опустилась плотная, вязкая тьма, нарушаемая только шипением био-печи и зелеными огоньками приборов Мары.

А через секунду в мутное стекло вентиляционного люка под самым потолком неслышно скользнула тонкая красная нить лазерного целеуказателя.

Она медленно, плавно прочертила стену, скользнула по капоту нашего фургона и замерла ровно на свинцовом ящике, стоявшем посреди стола.

Глава 3. Санкция на ликвидацию

Красная точка лежала на матовой крышке свинцового ящика ровно, мертво, словно приколотая энтомологической иглой.

Тот, кто держал маркер, не торопился нажимать спуск. Он оценивал геометрию сектора.

Гарт среагировал без единого звука. Ни крика, ни мата — только глухой шорох подошв по цементу. Старик сгреб оцепеневшую Мару за шиворот ее безразмерного худи и буквально впечатал в узкую щель между кирпичным выступом стены и станиной био-печи.

Я не думал. В таких ситуациях мысль — это лишние полсекунды, за которые в черепе появляется аккуратное входное отверстие девять миллиметров. Я просто рухнул вперед, вытягивая руки.

Пальцы в грубых перчатках вцепились в ручки свинцового кофра. Я сдернул тридцатикилограммовый ящик со стола на себя в то самое мгновение, когда крышу ангара разорвало.

Глухой хлопок.

Стекло вентиляционного фонаря осыпалось водопадом острых, звенящих игл. В темноту бокса влетели две серые цилиндрические банки.

— Вспышка! — успел выдохнуть Гарт, отворачиваясь к стене.

Я зажмурился и уткнулся лицом в холодную сталь кофра, зажимая уши предплечьями.

Мир вывернуло наизнанку.

Белый, ослепляющий ад пробился даже сквозь плотно сжатые веки, выжигая на сетчатке багровые пятна. Грохот светошумовой гранаты ударил по барабанным перепонкам с силой разогнавшегося товарняка. В черепе тонко, невыносимо засвистело, равновесие мгновенно испарилось, а к горлу подкатила едкая волна желчи.

Сверху на тросах уже скользили двое. Профессионалы. Никаких криков «Всем лежать!» или «Бросай оружие!». Только тяжёлый свист кевларовых фалов и мягкий, слитный шлепок подошв о бетон.

Они работали на поражение.

Первая короткая очередь из оружия с глушителем сухо протрещала над моей головой. Пули взбили крошево из верстака:

Тюк-тюк-тюк.

Деревянная столешница разлетелась в щепы ровно там, где секунду назад стоял ящик.

— Дин, к щиту! — сквозь вату в ушах пробился глухой рык Гарта.

Старик не ждал, пока спадет звон. Он вывалился из-за био-печи, вскидывая свой дробовик.

БАМ!

В тесном пространстве ангара армейский бронебойный патрон прозвучал как артиллерийский выстрел. Короткий сноп синего магического пламени вырвался из укороченного ствола, осветив перекошенные, залитые адреналином лица и две фигуры в чёрных экзоскелетах.

Первого штурмовика встретило в воздухе, в метре от пола. Тяжелая пуля с рунической гравировкой пробила кинетический щит оперативника с сухим треском рвущегося брезента. Бойца отшвырнуло назад, впечатало в борт нашего несчастного фургона и размазало по свежевыкрашенной дверце. Он даже не вскрикнул — только экзоскелет на его груди смяло, как банку из-под дешевого пива.

Второй успел приземлиться на полусогнутые, вскидывая карабин в сторону Гарта. Зелёный огонек тактического визора на его глухом шлеме скользнул по фигуре ветерана.

Но у меня оставалось восемнадцать единиц маны. И четыре свежих трупа на полу.

«Двиньтесь»

Мороз привычно распорол вены от запястий к ключицам. Это было не изящное фехтование волей — я буквально выдернул остатки нервной энергии из двух растерзанных нами мутантов, валявшихся у верстака.

Резерв маны: 6/45

Они не ожили в полном смысле слова. Они просто дернулись, подгоняемые мертвой, макабрической механикой.

Один из трупоедов, с развороченным черепом и волочащимися кишками, с омерзительным мокрым хлюпаньем взлетел с пола и всей тушей бросился под ноги второму оперативнику.

Штурмовик корпорации был машиной для убийств — быстрым, напичканным стимуляторами и боевым софтом. Но боевой софт «Ориона» не рассчитывал, что мертвое мясо, пять минут назад лишившееся половины мозгов, сделает подсечку.

Нога оперативника запуталась в скользких кишках твари. Он потерял равновесие, карабин в его руках дернулся, и очередь бронебойных девятимиллиметровых ушла в потолок, выбивая искры из двутавровой балки.

Второй трупоед, повинуясь моему мысленному пинку, щелкнул оставшейся половиной челюсти, вцепляясь штурмовику в гибкое сочленение брони на колене. Зубы брызнули осколками о композит, но вес сорокакилограммовой туши заставил элитного наёмника рухнуть на одно колено.

— Пошел! — рявкнул Гарт.

Он не стал стрелять второй раз. Старик просто шагнул вперед, сокращая дистанцию, и обрушил тяжелый приклад прямо на глухой шлем наемника.

ХРУСЬ.

Визор лопнул сеточкой мелких трещин. Оперативник дёрнулся и осел, заваливаясь набок. Из-под разбитого шлема тонкой струйкой потекла тёмная кровь.

Связь с трупами оборвалась. Мана рухнула до критических шести единиц. Голову сдавило тупым железным обручем — откат ударил по вискам, вызывая сухой, лающий кашель.

Я сидел на четвереньках, прижимая локтем свинцовый ящик к полу. Ладони были перемазаны чужой сукровицей и чёрной маслянистой кровью мутантов. Кожа горела. Грязь. Повсюду была грязь.

Пшик. Пшик. Пшик.

Пальцы действовали сами. Я выхватил баллончик и залил изопропилом обе кисти, не обращая внимания на то, как адски защипало порезы от стекла.

— Чисто! — прохрипел я, вставая на ноги. — Минус два!

— Это передовой дозор, — глухо отозвался Гарт, уже загоняя новые патроны в трубчатый магазин. Пальцы старика работали со слепой, пугающей точностью: *щелк, щелк, щелк.*— Основная группа снаружи. Они поняли, что разведка сдохла.

Словно в подтверждение его слов, тяжелые въездные ворота ангара содрогнулись от страшного удара.

ДОММММ!

Прокатная сталь толщиной в четыре миллиметра выгнулась внутрь уродливым пузырем. Сварные швы на направляющих затрещали, посыпалась ржавчина. Снаружи били тараном, установленным на одном из броневиков.

— Дин! Заводи корыто! — заорал я, подхватывая свинцовый ящик обеими руками. Мышцы спины взвыли от тяжести, комбинезон натянулся.

Дин сидел на полу возле распределительного щита, сжимая в руках обломок монтировки. Глаза парня были круглыми от ужаса, нижняя челюсть мелко дрожала.

— Аккумуляторы... босс, я же говорил! Они пустые! Фотонный контур выжрал всё под ноль, он не крутанет даже бензонасос!

— Мара! — рявкнул я, не поворачивая головы.

Девушка уже вылезала из своего укрытия. Несмотря на бледность, её движения стали быстрыми, расчётливыми. Шока больше не было — включился инстинкт загнанного в угол зверька.

— Конденсаторы печи! — крикнула она, срывая со стены аварийный медный кабель толщиной в палец. — Там три фазы аварийного сброса! Они всегда под завязкой на случай прорыва котла!

Она бросила один конец провода Дину:

— Цепляй на стартер напрямую! В обход реле! Живо, тормоз!

Дин словно очнулся от пощечины. Он схватил кабель, гибким ужом скользнул под капот фургона, едва не ободрав ухо о радиаторную решетку.

ДОММММ!

Второй удар вышиб нижние петли ворот. В образовавшуюся полуметровую щель с улицы хлынул дождь и холодный свет ксеноновых прожекторов. Следом в ангар полетели гранаты — не светошумовые, обычные, армейские наступательные.

— Ложись! — Гарт прыгнул вперед, накрывая своим массивным телом угол, где возилась с контактами Мара.

ГРОХОТ.

Осколки вспороли воздух веером визжащей смерти. Кирпичная кладка стены брызнула крошкой, мониторы на рабочем столе Мары взорвались искрами и потекшим жидким кристаллом. Один из осколков с противным визгом отрикошетил от стального бока свинцового кофра, который я прижимал к животу, выбив из металла глубокую борозду и отдавшись тупой болью в моих ребрах.

Сквозь щель под воротами уже виднелись тяжелые, закованные в броню ботинки штурмовиков. С улицы заработал крупнокалиберный пулемет — броневик «Черного сектора» методично, лента за лентой, начал разбирать жестяные стены нашего бокса на уровне пояса. Листы железа рвались с визгом консервной банки, впуская внутрь струи холодного ночного дождя и свинцовый шквал.

— Готово! — истошно завопил Дин из-под капота. — Мара, руби рубильник!

Мара уперлась обеими руками в массивный чугунный рычаг аварийного сброса био-печи и повисла на нем всем весом.

Контакты замкнулись.

Сноп ослепительно-зеленых электрических дуг с гулом разорвал темноту под капотом фургона. Запахло горелой изоляцией, краской и озоном. Старый армейский стартер издал звук, похожий на вопль умирающего мамонта, провернул маховик один раз, второй...

Двигатель кашлянул. Выплюнул из глушителя струю черного пламени и взревел всеми своими шестью несинхронизированными цилиндрами.

— В машину! — Гарт вскочил на ноги, подхватывая Мару за пояс и буквально зашвыривая её через распахнутую боковую дверь в темное нутро фургона.

Я рванул следом. Свинцовый ящик оттягивал руки, мышцы горели огнем. Забросив груз на пол кузова, я рыбкой нырнул внутрь, больно ударившись коленом о край порога. Следом, отстреливаясь на ходу, ввалился Гарт. Его дробовик рявкнул в сторону пролома еще раз, заставив штурмовиков на улице на секунду прижать головы.

Дин уже сидел за рулем. Лицо его было перекошено от дикой смеси ужаса и восторга, нога вбила педаль газа в пол до упора.

— Ворота заблокированы! — заорал Дин, оглядываясь через плечо. — Мы не пройдем через них, там броневик в упор стоит! Нас размажет!

Гарт передернул затвор, вытряхивая пустую дымящуюся гильзу прямо на пол, и тяжело опустил ладонь на плечо водителя.

— Назад сдавай, сынок.

— Чего?! Сзади глухая стена!

— Я сказал: назад, — в голосе старика снова прорезался тот самый нечеловеческий, вибрирующий рокот, от которого холодело в животе.

Его глаза вспыхнули тусклым, тяжелым янтарем. Гарт развернулся спиной к кабине и уперся обеими руками в задние створки фургона.

Внимание!

Зафиксирован прорыв энергетического контура

Объект: "Гарт"

Принудительное снятие ограничителей: Уровень 1

Навык: Монолитный таран (Ассимиляция техники)

Серая гранитная корка выплеснулась из-под рукавов его свитера, мгновенно покрывая пальцы, кисти и предплечья. Но на этот раз она не остановилась. Каменный панцирь пополз дальше — по металлу задних дверей, по силовым балкам кузова, по рессорам. Старый, ржавый фургон заскрипел, металл застонал, срастаясь с чудовищной кинетической массой бывшего танка ранга А.

— Дин, — тихо, сквозь стиснутые зубы бросил Гарт, и с его губ сорвалась капля темной крови. — Заднюю. В пол.

Дин с всхлипом рванул рычаг на себя и бросил сцепление.

Многотонная бронированная туша нашего «Шайтан-Мобиля», окутанная мерцающей серой коркой уплотненного пространства, с ревом сорвалась с места — задним ходом.

Удар был такой силы, что у меня клацнули зубы.

Задняя кирпичная стена ангара, за которой лежали заброшенные подъездные пути старого завода, не просто рухнула — она взорвалась облаком красной пыли и битого камня. Фургон прошил двухметровую кладку, как картонную коробку, вылетел в темноту под проливной дождь и, тяжело спружинив на растрескавшихся шпалах, на мгновение завис в воздухе.

Колеса с воем зацепились за мокрый щебень.

— Держи руль! — выплюнул Гарт, оседая на пол кузова. Каменная корка с треском осыпалась с металла машины серой пылью. Старик тяжело, со свистом дышал, зажимая правый бок.

Позади, в зияющем проломе ангара, зажглись лучи корпоративных прожекторов. Затрещали автоматные очереди, пули забарабанили по нашему заднему бронелисту, но фургон уже разворачивался, занося корму на ржавых рельсах, и, взревев форсированным двигателем, уходил в темноту заводских тупиков.

Я сидел на полу, прижимаясь спиной к вибрирующему борту. Рядом тяжело дышала Мара, сжимая в руках спасённый портативный сканер с функцией мобильного развёртывания.

В кузове воняло гарью, паленым сцеплением, свежей кровью и выхлопными газами.

Я медленно опустил взгляд на свои руки. Они были чёрными от копоти и чужой требухи.

Дрожащими пальцами я нащупал в кармане баллончик. Нажал на клапан.

Пшик. Пшик. Пшик.

Спирт потёк по ладоням, смывая грязь, но внутри, под кожей, остался холод.

Мы только что уложили двоих оперативников корпорации и ушли с их главным секретом. Нас не просто лишат лицензии. Завтра утром весь «Чистый Город» и все боевые группы наемников получат контракт на отстрел четырех мусорщиков.

Я посмотрел на свинцовый ящик. Внутри, сквозь толстый металл и слой нейтрализатора, продолжало мерно, неслышно биться чужое мёртвое сердце.

Глава 4. Берлога Мары

Если в фургоне воняет палёным сцеплением, пороховой гарью и продуктами разложения — значит, мы всё ещё живы.

Левый амортизатор умер на третьем железнодорожном переезде. Машину мотнуло так, что свинцовый ящик на полу подпрыгнул, глухо звякнув о рифленое железо, а Гарт впечатался бритым затылком в стойку кузова. Старик даже не матюкнулся. Только шумно втянул носом воздух сквозь зубы и сплюнул под ноги серую, похожую на цементную крошку слюну.

— Дин, — сказал я, держась за поручень побелевшими пальцами. — Рессора лопнет.

— Она уже лопнула, босс! — заорал Дин из кабины. Голос у него срывался на визгливый фальцет, но руки крутили баранку с яростью утопающего. — Мы на честном слове и на отбойнике идем! Если скину скорость — движок зальет к чертям, у нас радиатор решетом! Сидите и молитесь своим Разломам!

За мутным задним стеклом стеной стоял ночной ливень. Красные огни заводских тупиков давно растворились в водяной пыли. Хвоста не было видно, но это ничего не значило. У ЧВК «Орион» хватало тепловизоров и высотных дронов, чтобы засечь чадящий мазутом броневик даже сквозь сырой туман промзоны.

— Куда мы? — прохрипел Гарт.

Он сидел на опрокинутом ведре из-под краски, тяжело навалившись грудью на колени. В правой руке старик всё так же сжимал дробовик, в левой — пузатую бутыль. Пробка была на месте. Пальцы Гарта мелко подрагивали, а кожа на костяшках до сих пор сохраняла тусклый, пепельно-серый оттенок гранита. Откат от использования заблокированного ранга брал свое: мелкие капилляры на его шее полопались, наливаясь синюшной паутиной.

— В архив, — отозвалась из темноты Мара. Она сидела на полу, поджав колени к подбородку и вжавшись спиной в угол фургона. Единственное, что она успела выхватить со своего стола перед взрывом — портативный терминал и запасную батарею. — Подвал Центральной библиотеки. Сектор одиннадцать. Там перекрытия полуметровые, довоенной застройки. И кабельный колодец глушит радиофон.

— Библиотека, — сплюнул Гарт. — Терпеть не могу книги. От них пыли много.

— Там нет книг, дед, — огрызнулась Мара, не отрывая взгляда от тусклого экрана. — Там архив технической документации тридцатых годов. Всё оцифровано и сгнило. Нас там искать будут в последнюю очередь.

Фургон заложил крутой вираж, взвизгнув лысой резиной по мокрому булыжнику, и резко клюнул носом. Двигатель захлебнулся, пару раз сухо кашлянул и окончательно сдох. В наступившей тишине было слышно только, как по крыше остервенело лупит дождь и шипит выкипающий на раскаленном блоке антифриз.

— Приехали, — выдохнул Дин из кабины и уронил лоб на руль. — Сцеплению крышка. Радиатор пустой. Стартер сгорел к собачьим чертям. Если нас тут прижмут, я буду отбиваться монтировкой. Больше нечем.

Я толкнул перекошенную боковую дверь. Она поддалась со скрежетом, содрав полосу краски о стену узкого технического проезда.

В нос ударил запах сырого кирпича и старой бумаги. Мы стояли в глубоком каменном «кармане» под разгрузочной рампой старого библиотечного комплекса. Вокруг громоздились ржавые мусорные контейнеры и штабеля пустых деревянных поддонов. Мрачное серое пятиэтажное здание нависало над нами тупой громадой. В окнах — ни единого огонька. Идеальная дыра.

— Разгружаемся, — скомандовал я, спрыгивая на асфальт.

Подошва чавкнула в холодной грязи. Бок отозвался острой, режущей болью — осколок гранаты оставил под бронежилетом приличную гематому.

Я полез в карман, вытащил верный баллончик.

Пшик. Пшик. Пшик.

Спирт обжег ободранные о край ящика ладони. Запахло больницей, порядком и контролем. Дышать сразу стало легче.

— Дин, бери терминал Мары и ящик с инструментом. Гарт, ты как?

Старик поднялся медленно, со скрипом, опираясь стволом помповика о пол.

— Бывало хуже, — глухо буркнул он. Свободной рукой он нащупал на груди винтовочную гильзу, сжал ее в кулаке на пару секунд, словно проверяя, на месте ли, и только потом шагнул к выходу. — В девяносто восьмом мне оторвало кусок бедра и выжгло легкое плазмой. Ничего, дошел до санитарного броневика своим ходом.

— А сейчас тебе не девяносто восьмой, старик, — Дин вылез из кабины, волоча тяжелую брезентовую сумку с ключами. Лицо у парня было серое от копоти, под правым глазом наливался свежий кровоподтек от удара о руль. — Сейчас ты разваливаешься. Я по звуку слышу, как у тебя кости скрипят.

— Заткнись, шофёр, — без злобы отозвался Гарт.

Мара уже возилась у тяжелой железной двери в цоколь, прикрытой ржавым козырьком. На замке висела старая навесная пломба, но девушка даже не стала ее трогать. Она отогнула кусок жестяного наличника, вытащила два тонких провода и замкнула их накоротко плоской отверткой. Внутри стены что-то щелкнуло, глухо загудел старый соленоид, и дверь отошла на пару сантиметров.

— Заходите. Только тихо. Здесь на втором этаже сторож спит. Он глухой на оба уха, но пол деревянный, вибрацию чувствует.

Мы ввалились в подвал.

Я тащил свинцовый кофр, прижимая его к бедру. Мышцы спины уже просто немели от тяжести, по позвоночнику стекала струйка ледяного пота.

Внутри пахло химикатами для травли мышей. Длинный пыльный коридор с низким сводчатым потолком уходил в темноту. Мара уверенно свернула за угол, толкнула хлипкую фанерную перегородку и включила свет.

Под потолком тускло зажглась одинокая лампа.

Старая берлога Мары выглядела именно так, как должно выглядеть убежище хакера-параноика с рангом С. У дальней кирпичной стены — продавленная армейская койка, заваленная синтетическими одеялами. Никаких окон. Вдоль стен — стеллажи с пожелтевшими папками чертежей, на которых громоздились системные блоки разных лет выпуска, мотки проводов и пустые жестяные банки из-под растворимого кофе. Посреди комнаты стоял тяжелый верстак из дубового бруса, на котором примостилась электрическая плитка с закопченным чайником.

— Дом, милый дом, — пробормотал Дин, с грохотом роняя сумку с инструментами на пол.

— Не шуми, — шикнула Мара. Она сразу же метнулась к столу, воткнула кабель питания в портативный терминал и повернула к себе складной стул. Села, как обычно — спиной к стене, натянув капюшон на самый лоб. — Логан, ставь ящик на бетон. Подальше от аппаратуры.

Я опустил свинцовый гроб на пол у входа. Металл глухо звякнул.

Руки мелко тряслись. Я выпрямился, уперся ладонями в колени и закрыл глаза, переживая приступ тошноты.

Холод в затылке не проходил. Когда сливаешь почти весь резерв на экстренную некромантию, тело потом еще часов шесть чувствует себя так, словно тебя пропустили через центрифугу для отжима белья.

Пшик. Пшик.

Стало чуть легче.

— Чайник поставить? — спросил Дин, усаживаясь прямо на пол и приваливаясь спиной к ножке верстака. Он уже крутил в руках разводной ключ, методично оттирая с него машинное масло углом грязной футболки.

— Поставь, — сказал я. — И найди чистую тряпку. Надо Гарта перевязать.

— Не надо меня перевязывать, — буркнул ветеран, опускаясь на деревянный ящик в углу. Дробовик он положил на колени, стволом к двери. Бутылку поставил между ног. — Само затянется. Каменная кожа поры запечатывает лучше любого пластыря.

— Она у тебя крошится, дед, — заметил я, подходя ближе. — Ты снял стабилизатор ранга. Тебе нельзя было активировать «Таран».

Гарт криво усмехнулся одним углом рта.

— А что надо было делать? Ждать, пока нас там из пулемета нашинкуют? Зато вышли красиво. Дин, у тебя чайник закипел.

Дин крякнул, поднялся на ноги и снял закопченный чайник с плитки. Достал из навесного шкафчика три щербатые кружки и старый граненый стакан. Порывшись в своём инструментарном ящике, бросил в каждую по щепотке чёрной пыли, гордо именовавшейся чаем, залил кипятком. По каморке поплыл горьковатый, терпкий дух жжёного листа.

Одну кружку Дин молча пододвинул к Маре, прямо под локоть, отодвинув в сторону моток изоленты. Девушка даже не повернулась, но руку протянула машинально, обхватив горячую керамику тонкими, измазанными термопастой пальцами.

— Сахару нет, — сказал Дин, протягивая мне граненый стакан. — Сахар кончился ещё в прошлый вторник, когда эта мышь библиотечная решила засахарить себе растворимый цикорий.

— Сахар полезен для нейронных связей, — бросила Мара в монитор. Пальцы её летали по клавишам с пулеметной скоростью. — От него реакция вырастает на четыре процента.

— У тебя сейчас реакция упадет на сто процентов. Села на самый сквозняк. У тебя губы уже синие. — огрызнулся водитель, но при этом снял с плеч куртку и неловко набросил ей на плечи.

Мара куртку не сбросила. Только глубже втянула голову в плечи.

— Я взломала тактическую сеть патруля, который нас перехватил, — негромко произнесла она.

Тон её изменился. Исчезла привычная язвительность, остался сухой, металлический холод.

Мы все замолчали. Даже Гарт перестал ковырять пальцем засохшую кровь на затворе дробовика.

— И что там? — я сделал глоток горячего варева. Горло обожгло, но желудок благодарно отозвался теплом.

— Официального ордера от мэрии нет, — Мара развернула экран в нашу сторону. Зеленые строчки данных бежали сплошным водопадом. — Никакой ориентировки по муниципальным каналам. Никаких «опасных преступников» или «террористов». Для города мы просто мелкие подрядчики, которые не сдали смену вовремя.

— А неофициально? — прищурился Гарт.

— Неофициально в закрытом корпоративном канале «Чистого Города» открыт внутренний контракт, — девушка постучала ногтем по стеклу. — Тип: «Изоляция инцидента». Исполнитель: ЧВК «Орион», тяжелая группа зачистки. Статус цели: ликвидация на месте. Премия: восемьдесят тысяч кредитов за четыре подтвержденных идентификатора.

Дин поперхнулся чаем и долго, хрипло кашлял в кулак.

— Восемьдесят... тысяч? — просипел он, вытирая слезы. — За нас?! Да весь наш фургон вместе с содержимым био-печи стоит от силы пять! Логан, они что, спятили? Мы просто подобрали мертвого таракана!

— Дело не в таракане, — я медленно подошел к свинцовому кофру, стоявшему у стены. — Дело в начинке.

Я нагнулся, отщелкнул две тяжелые стальные защелки. Крышка поддалась с глухим вакуумным «чпок».

Запах щелочи и нейтрализатора мгновенно вытеснил аромат чая. В мутной серой жидкости на дне ящика лежал кристалл. Багровое свечение внутри него стало гуще, темнее. Оно больше не пульсировало хаотично — вспышки шли с четким, механическим интервалом в четыре секунды. Раз. Два. Три. Четыре. Вспышка.

И жидкость вокруг граней кристалла медленно, едва заметно закипала. Маленькие пузырьки поднимались со дна, лопаясь на поверхности с противным серным запахом.

Внимание: Зафиксирована адаптация чужеродного объекта

Плотность нейтрализующего слоя: снижена на 14%

Остаточный резонанс: стабилен (уровень С+)

— Нейтрализатор не держит, — констатировал я. — Эта штука жрет щелочь. Через пару часов она растворит контур и снова начнет фонить.

Мара встала из-за стола, подошла ближе, держа в руке портативный считыватель на гибком щупе. Опустила датчик в жидкость, не касаясь кристалла. Прибор жалобно пискнул.

— Это не просто Ядро, — тихо сказала она. Её голос дрожал, и на этот раз не от холода. — Я подняла старые архивы. Те, что Лен оставил перед тем, как... перед аварией.

Она замолчала, судорожно сглотнув. Дин нахмурился, сделал шаг вперед, словно хотел положить руку ей на плечо, но остановился, не решаясь нарушить её личное пространство.

— Лен работал в лаборатории синтеза, — продолжила Мара, глядя прямо в мутную жижу ящика. — «Чистый Город» не утилизирует тварей из Разломов. Они их разбирают. Они искали способ стабилизировать Ядра высших рангов внутри живых носителей. Чтобы вырастить штурмовых био-дронов, которые подчиняются оператору через радиоканал. Судя по всему, этот Гонец был успешной моделью серии «Омега». Он нёс в себе матку роя.

— Какую матку? — перебил Гарт. Старик подобрался, лицо его окаменело. — В коллекторе был обычный самец-фуражир. Я их сотнями давил в юности.

— Модифицированный самец, — поправила Мара. — В кристалле зашит генетический код Матриархи ранга В. Если этот кристалл попадет в питательную среду био-отходов — например, в городскую канализацию или в био-печь перерабатывающего завода...

Она не договорила. Всё стало понятно без лишних слов.

— В печь, — процедил я сквозь зубы. — Они хотели, чтобы мы сбросили его в печь.

Пазл сошелся с противным щелчком затвора.

— Муниципальная печь перерабатывает тонны концентрированной органики, — медленно, проговаривая каждое слово, произнес я. — Там идеальный бульон из белков, мутагенов и кислоты. Если кристалл попадет туда, он не сгорит. Он сожрет биомассу и за три часа вырастит выводок прямо под центром города.

— А «Чистый Город» героически ликвидирует прорыв, — сплюнул Гарт. В его глазах полыхнула такая ярость, что воздух вокруг его кулаков на миг дрогнул от остаточной маны. — Получит бюджет мэрии на чрезвычайное положение, новые субсидии, право на отчуждение частных кварталов под «зону безопасности»... Суки. Твари тыловые. Ничего не меняется. Тридцать лет прошло, а методы всё те же.

— И нас бы списали на аварийную халатность, — добавил Дин, нервно крутя гаечный ключ. — Сказали бы: пьяные мусорщики нарушили температурный режим печи, спровоцировали выброс, сами сгорели и полквартала утопили в дерьме. Ищи концы в пепле.

Я захлопнул крышку свинцового кофра. Защёлкнул замки.

— Значит, отдавать эту дрянь нельзя. И уничтожить здесь мы её не сможем — разворотит полрайона.

— Есть один вариант, —подала голос Мара. Она вернулась к столу, свернула экран с логами и вывела на монитор схему подземных коммуникаций. — В секторе семь, под старой водоочистной станцией, есть законсервированный глубокий шлюз. Там до сих пор стоит военный могильник третьего класса. Свинцовая капсула с гидрозатвором. Если сбросить кристалл туда и залить жидким стеклом — он уснет на полвека. Никакой сигнал наружу не пробьет.

— Сектор семь? — Дин присвистнул. — Это за внешней дамбой. Там территория «Мусорщиков». Дикие банды, контрабандисты и стаи падальщиков. И у нас нет машины! «Шайтан» сдох, я же сказал!

— Фургон поедет, — отрезал я.

— Босс, ты глухой?! — взорвался Дин. — Там блок лопнул! Радиатор течёт, как дуршлаг! Мне нужны запчасти, мне нужен паяльник по меди и хотя бы три часа времени!

— У тебя есть два часа, — спокойно ответил я. — На заднем дворе библиотеки стоит старый дизельный генератор. Мара сказала, сторож глухой. Снимешь с генератора помпу и трубки, присобачишь к нашему радиатору. Ты механик ранга С или кто? Применяй уже свои навыки.

Дин замер с открытым ртом. Несколько секунд он яростно хватал ртом воздух, подбирая подходящие проклятия, но потом посмотрел на меня, на бледную Мару, на хмурого Гарта — и безнадежно махнул рукой.

— Ненавижу вас, — буркнул он, подхватывая сумку с ключами. — Всех троих. Если этот генератор меня током убьет — я вернусь с того света и лично нассу тебе в карбюратор, Логан.

Он выскользнул за фанерную дверь, тихо прикрыв её за собой.

В подвале снова повисла гулкая, давящая тишина. Где-то в глубине коридора капала вода.

Кап. Кап. Кап.

Гарт тяжело вздохнул, достал из кармана складной нож и принялся методично вырезать что-то на деревянном бруске верстака. Стружка падала на бетон с сухим шелестом.

Я подошел к раковине в углу — ржавому чугунному корыту с обломанным краном. Вода текла тонкой, рыжей струйкой, пахла тиной и железом. Я набрал полные пригоршни ледяной жижи, плеснул в лицо. Кожу обожгло холодом, смывая слой дорожной копоти и засохшей пыли.

Вытащил баллончик.

Пшик. Пшик.

На руки. На шею. Порядок. Я контролирую ситуацию.

И в этот момент на столе Мары тонко, надрывно пискнул тревожный зуммер.

Девушка замерла. Пальцы её застыли над клавиатурой.

— Что там? — быстро спросил я, вытирая лицо рукавом комбинезона.

— Периметр, — шепнула она. Глаза её расширились. — Внешний оптический датчик на водосточной трубе. Кто-то вошел в разгрузочный карман.

Гарт среагировал мгновенно. Дробовик лег в широкие ладони, палец лёг на скобу. Старик поднялся с ящика без единого звука — словно огромная серая тень.

— Дин? — спросил я.

— Нет, — Мара вывела на монитор мутную, зернистую картинку с камеры ночного видения.

Под проливным дождем, у распахнутых створок нашего мёртвого фургона, стояли двое.

Они не были похожи на штурмовиков «Ориона». Никаких экзоскелетов и тяжелой кевларовой брони. Длинные прорезиненные плащи грязно-серого цвета, капюшоны, на лицах — дешевые угольные респираторы с круглыми фильтрами-свистками. В руках — короткие охот-

ничьи карабины «Акра» с кустарно примотанными изолентой фонарями. На плече у ведущего белой краской через трафарет был набит оскаленный череп крысы.

— «Канализационные крысы», — процедил Гарт сквозь зубы. — Местная падаль. Шакалят по промзонам, подбирают то, что ликвидаторы бросили.

— Они шли по следу, — быстро прошептала Мара. —Дин оставил за собой дорожку длиной в шесть километров.

На экране один из мародеров наклонился к луже под радиатором фургона, макнул палец в радужную плёнку, понюхал. Затем поднял голову и указал стволом карабина прямо на приоткрытую железную дверь в цокольный этаж.

Второй мародер вскинул рацию к лицу.

— Нельзя давать им выйти в эфир, — сказал я, чувствуя, как внутри всё сжимается в ледяной ком. — Если они скинут координаты «Чистому Городу» — через пять минут здесь будет вертушка со штурмовиками.

— Я сниму обоих, — коротко бросил Гарт, делая шаг к выходу.

— Нет. Выстрелы в колодце услышит весь квартал. Сторож вызовет полицию. Надо тихо.

Я глубоко вдохнул. Холод маны отозвался в висках глухой, ноющей болью.

Резерв маны: 11/45

Доступно заклинание: Малая двигательная реактивация (локальная)

— Сиди здесь, — бросил я Маре. — Дверь на засов. Откроешь только на три коротких стука.

Она молча кивнула, вытаскивая из ящика стола тяжелый короткий револьвер с облупленным воронением.

Мы выскользнули в темный коридор.

Здесь было тихо, только снизу, из подтопленной части подвала, доносился шорох крысиных лап по битому кирпичу. Воздух стоял тяжелый, затхлый.

Гарт двигался впереди. Удивительно, как этот массивный, покалеченный мужик под два метра ростом умудрялся ступать по раскрошившемуся бетону абсолютно бесшумно. Ни шороха подошв, ни скрипа суставов. Старая армейская выучка Первой линии Разломов — там тех, кто шумел, сжирали в первые сорок восемь секунд после прорыва.

Мы подошли к повороту перед входным тамбуром.

Сквозь щели в приоткрытой двери пробивался узкий, подрагивающий луч карманного фонаря. Слышались чавкающие шаги по мокрой грязи и приглушенный сиплый шепот:

— ...говорю тебе, свежее. Тосол ещё тёплый. Они внутри сидят. За фургон нам сотку отвалят на разборке, а за живых — втрое больше. Корпораты за них всю сетку забили...

— Не суйся вперед, Гвоздь, — отвечал второй, более хриплый голос. — Ты помнишь, что в ориентировке было? Там бывший «Танк» с военным рангом. Он тебе башку голыми руками оторвет и в глотку засунет.

— Да сдулся этот «Танк» давно! Обычные мусорщики...

Луч фонаря мазнул по стене коридора, выхватив осыпавшуюся штукатурку в полуметре от моего плеча.

Гарт замер, прижавшись спиной к кирпичному выступу. В левой руке он держал тяжелую полуметровую монтировку — подобрал у входа. Оружие надежное, тихое и не требующее патронов.

Оставалось пять метров. Я видел перед собой двоих. Обычные мародеры. По системной классификации — F и E-. Мусор. Пыль. Но я знал, что это ничего не значит. В грязи эти парни могли быть опаснее любого ранга C, потому что им было нечего терять.

Один из них уже перешагнул порог. Высокий, тощий, в драном брезентовом плаще. Ствол его «Акры» смотрел в пол, палец лежал на спуске. В левой руке он сжимал рацию с длинной гибкой антенной — диод на корпусе мигал зелёным, канал был открыт.

Если он нажмет тангенту — нам конец.

Я не стал ждать.

Пальцы метнулись к поясной сумке, выдергивая плоский хирургический зажим. В зажиме был зажат проспиртованный ватный тампон — моя дежурная заначка для экстренной очистки рук.

Но сейчас мне нужна была не чистота.

Прямо под ногами мародера, в полуметре от порога, валялась полуразложившаяся тушка крупного подвального пасюка — твари здесь дохли сотнями от сырости и крысиного яда.

Инициация протокола: Локальный импульс

Расход маны: 4 единицы

Текущий резерв: 7/45

Удар холода вышиб дух, перед глазами поплыли серые пятна.

Дохлая крыса на полу на этот раз не просто дернулась. Подчиняясь грубому, слепому мышечному спазму, на который я выплеснул остатки сил, мёртвое тело с мокрым хрустом распрямило задние лапы и взлетело в воздух на метр, целясь оскалённой полусгнившей мордой прямо в лицо входящему.

Мародер был готов к засаде. Был готов к выстрелу из темноты. Но он не был готов к тому, что дохлая, вонючая падаль снизу вцепится ему в воротник плаща, обдав лицо трупной слизью.

— Бля-а!.. — захлебнулся он, рефлекторно вскидывая руки к лицу и роняя рацию.

Этого хватило.

Гарт шагнул из-за угла с грацией разогнавшегося локомотива.

Никакой магии. Никаких каменных корковых щитов. Чистая механика тренированного тела. Левая рука старика перехватила ствол «Акры», уводя оружие в сторону, а правая — с зажатой монтировкой — коротко, по дуге вошла мародеру ровно под основание челюсти.

ХРУСТ.

Звук был похож на хруст раздавленного сухого ореха. Человек даже не вскрикнул — ноги его мгновенно подкосились, глаза закатились, и он кульком осел на мокрый бетон.

Второй, стоявший на улице под козырьком, среагировать не успел. Он только открыл рот, чтобы заорать, но Гарт уже сделал второй шаг.

Широкая, тяжелая ладонь ветерана, сплошь покрытая старыми белыми рубцами, захлопнула рот мародера, как стальной капкан. Пальцы Гарта вдавились в щёки человека, сминая плоть, а второй рукой старик резко, с коротким рывком впечатал его затылком в кирпичный косяк двери.

Один раз. Глухой, влажный стук.

Мародер обмяк в его руках, выронив карабин в лужу.

На улице шумел дождь. Вода хлестала по ржавому козырьку, смывая темную струйку крови, потекшую по кирпичной кладке.

Гарт стоял над телами, тяжело дыша. Из его разбитой губы сочилась темная кровь, но в глазах больше не было мути похмелья.

— Минус два, — хрипло бросил он, вытирая монтировку о плащ лежащего. — Рацию разбей.

Я наступил тяжелым армейским ботинком на упавшую рацию. Пластик хрустнул, зеленая лампочка моргнула и погасла, выпустив струйку едкого дыма.

Сердце колотилось в горле, как бешеное. В висках стучала кровь, перед глазами всё еще плыли багровые круги от падения маны до критического уровня.

Я опустился на одно колено, глядя на свои руки. Пальцы были перемазаны крысиной слизью.

Желудок сжался в спазме.

Дрожащими, непослушными пальцами я вытащил баллончик. Нажал на клапан.

Пшик. Пшик. Пшик. Пшик.

Спирт полился щедро, заливая порезы, смывая эту мерзость, эту липкую городскую гниль, которая пыталась въесться мне под ногти.

Холодит. Хорошо. Кожа чистая. Порядок.

— Логан, — негромко позвал Гарт.

Он стоял на пороге, глядя не на фургон и не на дождь. Он смотрел в тёмный угол под разгрузочной рампой, куда падал свет от фонаря упавшего мародера.

Там, привалившись спиной к бетонной опоре, сидел Дин.

Гаечный ключ выпал из его руки и лежал в луже. Лицо парня было неестественно белым.

Глава 5. Внезапный ремонт

— Дин! — я сорвался с места, забыв про ноющий от удара бок.

Подошвы скользнули по мокрой брусчатке. Дождь мгновенно залепил глаза, холодная вода потекла за воротник, но я уже падал на колени в грязь рядом с парнем.

Гаечный ключ на девятнадцать лежал в луже, наполовину утонув в жирной масляной пленке. Сам Дин сидел, неестественно запрокинув голову к сырому бетону перекрытия. Нижняя челюсть отвисла, из угла рта тянулась нитка белесой слюны. Веки мелко подрагивали, закатившиеся зрачки были узкими, как булавочные головки.

— Живой? — над моим ухом тяжело, сипло выдохнул Гарт. Ветеран навис над нами скалой, отсекая телом ледяные струи дождя. Ствол его дробовика смотрел в темноту проезда, палец по-прежнему не слезал со спусковой скобы.

Я сорвал с правой руки мокрую перчатку. Два пальца — на сонную артерию.

Пульс был. Частый, нитевидный, колотящийся с панической скоростью под сто сорок ударов, но с каждым толчком теряющий наполнение. Кожа парня на ощупь казалась ледяной и скользкой, как брюхо снулой рыбы.

Объект: Дин Кэмпбелл

Ранг Системы: D

Класс: Водитель-механик

Статус: Острая интоксикация нейропаралитическим ядом кустарного типа («Жабий сок» / осадок плесневика)

Угнетение дыхательного центра: 62%

Угроза остановки сердца: средняя (критический порог через 4–6 минут)

— Суки, — процедил я сквозь зубы.

Пальцы метнулись к его шее, расстегивая воротник промасленной куртки. Вот она. Чуть ниже челюсти, прямо над ключицей, темнела крошечная припухлость с черной точкой в центре. Вокруг ранки кожа уже пошла трупно-сизыми пятнами, сосуды надулись грязно-фиолетовыми ветками. Пневматическая игла. Мародеры не хотели его убивать — они стреляли парализитиком, чтобы забрать живой товар. За свежие идентификаторы корпораты платили без уценки.

— Босс... — губы Дина шевельнулись. Звук вышел глухим, булькающим, будто у него в глотке застрял комок сырой шерсти. Пальцы левой руки скрючились, царапая щебень. — Ключ... не посей...

— Заткнись, Дин, дыши, — рявкнул я. — Не смей отключаться! Гарт, хватай его под мышки. Тащим в тепло!

— А запчасти? — Гарт мотнул головой в сторону деревянных поддонов.

Там, в темноте под рампой, аккуратно завернутые в грязную мешковину, лежали латунная помпа от генератора и моток медных трубок. Этот сукин сын успел их снять. Он их снял, притащил сюда и только потом попал под выстрел из тени.

— Заберу! — я сгреб мешковину одной рукой, свободной ладонью подхватил выпавший гаечный ключ Дина — бросить инструмент значило бы окончательно признать, что парню конец.

Гарт подхватил Дина так легко, будто тот весил не больше пустого вещмешка, закинул его безвольную руку себе на шею и прижал парня к своему бронежилету.

— Прикрой спину, — бросил ветеран и, тяжело припадая на поврежденную ногу, зашагал к железной двери цоколя.

Я шел следом, озираясь по сторонам. Дождь хлестал с удвоенной силой, стирая следы крови у порога. Мёртвые мародеры лежали в луже под козырьком. Затаскивать их внутрь не было времени. Если кто-то придет за ними прямо сейчас — нам все равно крышка.

Заскочив в тамбур, я с размаху захлопнул тяжелую створку и опустил ржавый засов. Металл скрежетнул, отсекая вой ливня.

— Мара! Открывай! — крикнул я, колотя кулаком в фанерную дверь каморки. Три коротких удара.

Дверь распахнулась мгновенно. Девушка стояла на пороге с револьвером в опущенной руке, бледная, растрёпанная, капюшон сбился на затылок. Увидев висящего на Гарте Дина, она дернулась назад, словно от удара током, рот ее беззвучно открылся.

— Он... он мертв?

— Живой! — гаркнул я, заталкивая Гарта внутрь. — На верстак его! Живо!

Старик одним движением смел с дубового бруса радиодетали, пустые кофейные банки и недопитую кружку чая. Посуда с грохотом полетела на пол, чайная жижа брызнула на системные блоки, но Мара даже не вздрогнула. Гарт уложил Дина на спину. Парень уже не хрипел — он просто часто, поверхностно хватал ртом воздух, грудь ходила ходуном, а губы начали синеть.

— Аптечка! — приказал я, срывая с пояса свой полевой подсумок.

— У меня... у меня только бинты и перекись, — голос Мары сорвался на шепот, руки задрожали, револьвер со стуком упал на пол. — Логан, у меня нет антидотов, я не полевик, я не держу спецпрепараты!..

— Успокойся! — я схватил ее за плечи, встряхнул один раз, сильно, до щелчка зубов. — Воду на плитку! Чистое полотенце! Ищи в моих карманах узкую ампулу с синей полосой. Адреналин-В. Шевелись, Мара!

Девушка судорожно вдохнула, моргнула и бросилась выполнять. Паника никуда не делась, но превратилась в суетливую, механическую деятельность.

Я выхватил верный баллончик.

Пшик. Пшик. Пшик.

Залил спиртом собственные руки, залил шею Дина, не жалея остатков драгоценной жидкости. Хаос отступил на миллиметр. Контроль. Мне нужен контроль.

— Нож, Гарт.

Старик, не говоря ни слова, протянул раскрытый складник. Лезвие было старым, но заточенным до бритвенной остроты.

Я снова брызнул спиртом прямо на сталь.

Резерв маны: 7/45

Доступна способность: Локальный некротический импульс (инверсия — малая клеточная стимуляция)

Внимание: Высокий риск фибрилляции при неточной калибровке.

Плевать на риск. Без стимуляции сердце парня встанет через три минуты — этот плесневый яд запечатывал синапсы намертво, превращая диафрагму в кусок мёртвого мяса.

— Держи ему голову, Гарт. Если дернется — сломает шею.

Тяжелые ладони ветерана, шершавые и холодные, как могильные плиты, намертво зафиксировали виски механика.

Кончиком ножа я сделал крестообразный надрез прямо над черной точкой укуса. Брызнула темная, почти черная, свернувшаяся кровь с резким запахом гнилой рыбы. Дин даже не вскрикнул — мышцы лица были парализованы. Только пальцы на левой руке сжались так, что ногти вошли в ладонь до крови.

— Выдавливай дрянь, — скомандовал я сам себе, нажимая большими пальцами вокруг ранки.

Густая, ядовитая сукровица пошла наружу. Я вытирал ее куском разорванной майки Дина, снова давил, пока из разреза не показался металлический кончик. Тонкая игла из закаленной проволоки с кустарной насечкой. Выдернул ее пальцами, швырнул на бетон.

— Мара, ампулу!

Девушка сунула мне в ладонь стеклянный цилиндрик. Зубами свернул колпачок одноразового шприца-тюбика.

Игла вошла прямо в подключичную вену. Поршень до упора.

— А теперь давай, парень, — прошептал я, кладя раскрытую ладонь прямо на грудину Дина, чуть левее центра.

Ткань комбинезона была ледяной. Под моими пальцами ребра почти не двигались.

Инициация протокола: Био-резонансный толчок

Расход маны: 5 единиц

Текущий резерв: 2/45

Предупреждение: Резерв истощен. Угроза системного обморока.

Холод из затылка протек по руке — не тот мертвенный, гнилостный холод, которым я поднимал дохлую крысу, а жесткий, колющий мороз реанимационной палаты. Я не создавал жизнь — я, как чертов некромант, просто грубо схватил угасающую искру чужой биологии и встряхнул ее изо всех сил, заставляя мышцы сократиться.

РАЗ.

Тело Дина выгнуло на верстаке дугой. Суставы хрустнули. Гарт удержал его с глухим рычанием, жилы на шее старика надулись канатами.

ДВА.

Парень судорожно, страшно втянул в себя воздух. Звук был такой, словно в сухую глотку засыпали битое стекло. Глаза его распахнулись — зрачки расширились, заняв почти всю радужку.

— Дыши, сукин сын! — рявкнул я, чувствуя, как перед глазами темнеет, а пол уходит из-под ног. Резерв маны рухнул почти до нуля, виски сдавило железным обручем. — Дыши, Дин!

Он закашлялся. Мучительно, надрывно, с хрипом, выплевывая на верстак скопившуюся серую пену. Левая рука судорожно дернулась, нащупала мой рукав и вцепилась мертвой хваткой.

— Б-босс... — прохрипел он совершенно трезвым, полным животного ужаса голосом. — Меня... парализовало... я всё слышал... суки... они меня в мешок хотели...

— Уже не хотят, — выдохнул я, сползая по ножке верстака прямо на залитый грязью и чаем пол. Колени не держали. — Они сдохли. А ты живой.

Статус цели: Стабилизация

Сердечный ритм: 95 уд/мин (тахикардия, купируется)

Остаточное действие токсина: мышечная слабость 80%

Мара стояла рядом, прижав ладони к мокрым щекам. Плечи её мелко дрожали, но лицо медленно приобретало нормальный человеческий цвет.

— Идиот, — всхлипнула она, ударив кулачком по краю верстака в сантиметре от локтя Дина. — Какой же ты кретин, Дин! Зачем ты туда полез один?! Зачем?!

— Запчасти... — механик попытался осклабиться, но губы слушались плохо, половина рта оставалась онемевшей. — Радиатор... кто вам радиатор спаяет, недоумки?.. Логан же... только резать умеет... да руки спиртом поливать...

— Молчи лучше, — буркнул Гарт, но пальцы его разжались, отпуская плечи парня. Старик привычным жестом нащупал на груди винтовочную гильзу, сжал ее в кулаке, выдохнул через нос сгусток пыли и сплюнул в угол. — Живучий, щенок. В девяносто восьмом такие иглы с вертолетов сыпали. Кто послабже — через сорок секунд синел и кишки выблёвывал. А этот ничего. Скрипит.

— Конечно, скрипит, — пробормотал я, доставая из кармана баллончик. Рука дрожала так, что я едва попал пальцем на клапан.

Пшик. Пшик.

Холодная струя омыла окровавленные пальцы. Голова раскалывалась, во рту стоял медный привкус истощения. Если сейчас сюда войдет хотя бы один штурмовик «Ориона» — я смогу только бросить в него этим баллончиком.

— Сколько у нас времени? — спросил я, глядя снизу вверх на Мару.

Девушка смахнула рукавом слезы, шмыгнула носом и метнулась к своему терминалу.

— Немного, — пальцы застучали по клавиатуре. — Я заглушила сигнал рации того мародера, но у них на базе стоит контрольный таймер. Если двойка не выходит на связь каждые двадцать минут — их диспетчер начинает прозванивать сектор. До первой проверки — двенадцать минут.

— А кристалл? — Гарт мотнул головой в сторону свинцового ящика.

Я повернулся.

Кофр стоял у стены, но теперь вокруг него не было тихо. Сквозь толстые свинцовые стенки доносилось отчетливое, утробное гудение. Не механическое — биологическое. Так гудят потревоженные шершни в дупле, когда туда суют горящую ветку. Багровый свет пробивался сквозь стыки крышки и резиновую прокладку тонкими, ядовитыми иглами.

Жидкость внутри закипала.

— Ему здесь нравится, — тихо сказала Мара, глядя на график всплесков на экране. — Здесь сыро. Здесь кровь. Он почувствовал смерть наверху. Тот импульс, которым ты дернул крысу, Логан... он срезонировал с матрицей кристалла. Процесс созревания ускорился на сорок процентов.

— Сколько? — коротко спросил я, поднимаясь на ноги и опираясь на верстак.

— Сорок минут. Может, сорок пять. Потом контур растворится окончательно. Щелочь превратится в питательный раствор, и Ядро начнёт формировать кокон. Если это произойдёт — мы этот ящик даже ломом не вскроем. Он врастёт в бетон.

В подвале повисла тяжелая, густая тишина. Было слышно только, как шуршит вентилятор терминала и тяжело, сипло дышит на верстаке Дин.

— Значит, план прежний, — сказал я. — Сектор семь. Военный могильник.

— На чём, начальник? — подал голос Дин. Он попытался приподняться на локтях, но руки подогнулись, и парень снова шлепнулся спиной на дубовый брус. — Я... я ноги не чувствую. Пальцы как сосиски вареные. Я гайку не наживлю, не то, что трубку развальцевать.

— Я наживлю, — сказал Гарт.

Дин скосил на него мутный глаз:

— Ты? Дед, ты своим пальцем-лопатой только гусеницу у танка натянуть можешь. Там медь тонкостенная, ее чуть пережмёшь — лопнет к чертям, и вся охлаждайка на первом километре вытечет.

— Заткнись, шофёр, — без злобы отозвался старик, закатывая рукава засаленного свитера. Его предплечья были толщиной с бедро Мары. — Я в полевых мастерских дизели с закрытыми глазами перебирал, пока ты еще в пелёнки ссался. Говори, что крутить.

— Логан, — Дин перевёл взгляд на меня. — Тащи запчасти. И ящик с инструментом. Горелку газовую найди, там в нижнем кармане... баллон синий. И припой. Будете моими руками, калеки.

Следующие двадцать минут превратились в лихорадочный, грязный кошмар.

Мы не стали выгонять фургон — он и не поехал бы. Пришлось работать прямо под рампой, под аккомпанемент непрекращающегося ливня.

Я бегал между улицей и каморкой. Вытаскивал ключи, паяльную лампу, тряпки.

Дин сидел на верстаке, поджав одну неработающую ногу, завернутый в старое шерстяное одеяло, которое на него накинула Мара. Лицо его блестело от пота, но в глазах зажегся тот самый злой, маниакальный огонек механика, который не терпел, когда железо побеждало человека.

— Гарт, глуши заглушку на третьем контуре! — хрипел он в открытую фанерную дверь, пока я грел горелкой медную трубку. — Логан, не перегрей медь, идиот! Она у тебя поплывет! Вишнёвый цвет пошёл — убирай пламя, в ведро суй!

Ш-ш-ш-ш! — раскаленный металл шипел в грязной дождевой воде, поднимая клубы пара.

Гарт работал молча, размеренно, со страшной, нечеловеческой силой. Там, где обычному человеку требовался рычаг из двухметровой трубы, старик просто упирался ладонью и наваливался корпусом. Ржавые болты крепления помпы генератора лопались с сухим щелчком, уступая новому узлу.

Пальцы ветерана снова начали покрываться серым налетом — он непроизвольно подпитывал мышцы остатками каменного ранга, пренебрегая откатом. Я видел, как из его носа тонкой струйкой течёт кровь, смешиваясь с дождевой водой на губах, но подходить не смел. Старик бы просто отмахнулся.

— Мара, что с периметром? — крикнул я, протирая руки спиртовой салфеткой прямо на ветру. Грязь въелась под ногти, машинное масло воняло так, что выворачивало желудок, но времени на дезинфекцию не было.

Девушка высунулась из подвала. Лицо её было белее мела.

— База «Крыс» начала опрос, — крикнула она сквозь шум дождя. — Три пропущенных пакета. Они поняли, что двойка накрылась. В наш квадрат выдвинулась поисковая группа на двух багги. Будут здесь через шесть минут.

— Дин! — я влетел в подвал, хватая канистру с остатками тосола.

— Всё! — заорал из-под капота Гарт. Его бас перекрыл шум ливня. — Контур замкнут! Заливай жижу!

Мы плеснули мутную синюю жидкость в расширительный бачок. Она ушла со свистом, заклокотала в сухих внутренностях радиатора. Две капли упали на асфальт — стык держал. Самодельная медная петля, согнутая Гартом по чертежу Дина, встала на место родного патрубка как влитая.

— Заводи! — крикнул я.

Гарт прыгнул в кабину. Стартер взвизгнул, захлебнулся, провернул коленвал раз, другой... Вспышка. Глухой металлический удар, от которого вздрогнула вся морда броневика.

И двигатель взревел.

Он работал неровно, троил, чадил сизым масляным дымом из пробитого глушителя, но это был живой, рабочий дизель. Рессора слева просела почти до обода, машина стояла криво, как подбитый зверь, но колёса могли крутиться.

— Мара, грузимся! — скомандовал я, бросаясь в подвал.

Я подхватил свинцовый кофр.

Металл был горячим. Сквозь толстые перчатки я почувствовал, как свинцовые стенки вибрируют — мелкая, мерзкая дрожь, похожая на сердцебиение эмбриона в яйце. Багровое свечение вокруг защелок стало почти нестерпимым для глаз, пахло озоном и гнилым мясом.

Внимание: Целостность защитного контура — 18%

До критической фазы метаморфоза: 12 минут.

— Мара, терминал и в машину! Помогай Дину!

Девушка уже тащила за плечо хромающего, матерящегося механика. Дин волочил ноги, но в правой руке намертво сжимал свой спасенный ключ на девятнадцать.

Мы выскочили под ливень. Гарт распахнул задние двери фургона, я с размаху вогнал тяжеленный свинцовый гроб в кузов, задвинул его ногой к перегородке кабины. Мара помогла Дину завалиться на пол рядом с ящиком. Парень тяжело дышал, зубы его стучали от холода и отступающего паралича.

— Держись за поручень, механик, — бросил я ему, захлопывая створку. — Трясти будет так, что зубы высыплются.

— Похрен... — осклабился Дин, сплёвывая на рифленый пол. — Лишь бы эта консервная банка ехала...

Я запрыгнул на пассажирское сиденье рядом с Гартом. В кабине пахло мокрой псиной, гарью и дешевым табаком. Ветеран уже включил передачу, держа ногу на сцеплении. Руки его на баранке казались высеченными из серого базальта.

— Куда? — коротко бросил он.

— Сквозь сквер, на набережную, — Мара протиснулась между нашими сиденьями из кузова, держа на коленях портативный терминал. — Основные проспекты перекрыты патрулями ЧВК «Орион». Вдоль реки старая грузовая ветка. Там рельсы наполовину сняли, но проехать можно. Выйдем прямо к дамбе седьмого сектора.

— Держитесь, — прорычал Гарт и бросил сцепление.

Фургон дёрнулся, взревел пробитым глушителем и с пробуксовкой вырвался из каменного кармана разгрузочной рампы.

Нас швырнуло назад. Колеса взрезали лужи, окатив кирпичную стену библиотеки веером чёрной грязи. В зеркале заднего вида я успел заметить, как в узкий технический проезд на полной скорости влетают два легких багги с ксеноновыми люстрами на дугах — мародёры опоздали ровно на сорок секунд. Один из них вскинул карабин, по нашему заднему борту щёлкнула неприцельная дробь, но фургон уже снёс хлипкий дощатый забор и вылетел на разбитый асфальт прибрежного тупика.

Дождь хлестал в лобовое стекло. Дворники не работали — сгорел предохранитель. Гарт вёл машину вслепую, ориентируясь только по тусклым силуэтам заводских труб и ржавых портовых кранов, нависавших над рекой.

Машина скрипела на каждом ухабе как старик с ревматизмом. Переваренная помпа выла на высоких тонах, температура охлаждающей жидкости на приборной панели застыла в красной зоне, в миллиметре от перегрева.

— Три километра до внешнего периметра, — кричала Мара сквозь грохот дизеля. — Там старый контрольно-пропускной пункт дамбы. Ворота должны быть заблокированы, но...

Она осеклась.

Терминал в ее руках жалобно пискнул, сменив зеленую подсветку на тревожно-алую.

— Что там? — я повернулся к ней.

— Забудь про мародёров, — голос девушки упал до свистящего шепота. Она подняла на меня расширенные от ужаса глаза. — «Орион» поднял тяжелую «вертушку» с базы в Сити. Ударный винтокрыл «Коршун-4». Они перехватили радиообмен базы «Крыс». Они знают, что мы в секторе.

Словно в подтверждение ее слов, сзади, в кузове, раздался истошный металлический скрежет.

— Босс! — заорал Дин из темноты. Голос его сорвался на визг. — Ящик! Он, твою мать, открывается изнутри!

Я рванул шторку перегородки.

Свинцовый кофр больше не светился ровным светом. Крышка толщиной в два пальца вспучилась по центру, стальные защелки выгнуло наружу, резьба на болтах лопнула с сухим звуком пистолетных выстрелов.

Сквозь полусантиметровую щель наружу толчками вылезала густая, полупрозрачная багровая слизь, похожая на расплавленный янтарь. И внутри этой слизи, переливаясь тысячами фасеточных глазков, шевелились тонкие, членистые жгутики.

А прямо по курсу фургона, сквозь стену ливня, в двухстах метрах впереди, тьму прорезали два ослепительно-белых луча поисковых прожекторов.

Над дамбой, тяжело перемалывая лопастями сырой ночной воздух, завис тяжёлый бронированный силуэт винтокрыла корпорации. Под его крыльями тускло блеснули подвешенные блоки неуправляемых ракет.

— Внимание, борту 404, — разнесся над рекой усиленный динамиками синтетический голос, перекрывая рев бури. — Заглушите двигатель и оставайтесь на местах. Вы находитесь в зоне отчуждения биологической угрозы. Время на исполнение — пять секунд.

Гарт не нажал на тормоз.

Старик оскалился, обнажив стёртые, тёмные зубы, вдавил педаль газа в пол и резко крутанул баранку вправо — прямо на бетонный отбойник, за которым чернел обрыв в мутные, вспененные шлюзы водоочистной станции.

Глава 6. Точка падения

Бетонный парапет разлетелся с глухим, чавкающим грохотом, будто грузовик с размаху влетел в стену из сухого печенья.

На долю секунды мир потерял опору. Передок фургона задрало, фары полоснули по черным клубящимся тучам, и мы зависли над пустотой. В ушах стоял визг Дина, вой раскрученного в воздухе кардана и сухой, яростный клекот автоматической турели зависшего над нами «Коршуна».

Они выстрелили.

Сверху ударил спаренный залп неуправляемых ракет. Но Гарт уже сорвал машину в штопор — два огненных шлейфа с визгом прочертили воздух ровно там, где секунду назад была набережная, и вонзились в гребень дамбы. Ночной воздух лопнул. Волна взрыва толкнула падающий броневик в бочину, вышибая боковые стекла и осыпая нас фонтаном ледяной крошки и щебня.

— Держа-а-ать! — взревел Гарт.

Старик оторвал руки от руля и с размаху вбил обе ладони в перекошенную приборную панель.

Внимание!
Зафиксирован прорыв энергетического контура
Объект: «Гарт»
Принудительное снятие ограничителей: Уровень 2
Навык: Монолитное ядро (Локальный резонанс)

Серая гранитная корка брызнула из-под его лопнувших рукавов пластами цельного базальта. Волна окаменения прокатилась по лобовому стеклу, затягивая трещины тусклой минеральной пленкой, сковала раму, превращая фургон в цельнолитую чугунную болванку. С губ Гарта на торпеду плеснула густая чёрная кровь, но глаза старика горели янтарным пламенем.

УДАР.

Мы рухнули в переливной накопитель нижнего яруса водоочистной станции — гигантскую бетонную чашу, куда с ревом сбрасывались излишки дождевой воды со всего сектора.

Фонтан мазутной, вспененной жижи взлетел метров на пятнадцать. Машину швырнуло вперёд, крутануло вокруг оси со скрежетом, от которого свело зубы, и впечатало кормой в скользкую наклонную стену шлюза. Вода с ревом захлестнула капот, заливая ветровое стекло, но базальтовая корка выдержала — броневик не сплющило в гармошку.

Каменная броня с сухим стеклянным звоном осыпалась на колени Гарта мелкой серой трухой. Ветеран покачнулся, опустил седую голову на баранку и тяжело захрипел, зажимая разорванное судорогой подреберье.

— Все... целы? — прохрипел я, сдирая с лица сетку лопнувшего респиратора.

Голова гудела так, словно меня засунули в колокол и вдарили кувалдой. В плече ныла острая боль — ремень безопасности едва не сломал ключицу.

— Не дождетесь, — донеслось из кузова.

Голос Дина звучал сипло, перекошено, но совершенно отчетливо. Парень сидел на полу грузового отсека, придавленный съехавшим верстачным домкратом и кучей пустых канистр, но в побелевших кулаках все так же сжимал свой гаечный ключ на девятнадцать.

— Моя подвеска... — простонал он, сплёвывая натёкшую в рот кровь из разбитой губы. — Дед... ты её просто на атомы расщепил... Я этот фургон по винтику собирал...

— Живой, механик, — выдохнул я, и впервые за ночь в груди отпустило. Сердце колотилось в горле, но системный маркер Дина горел стабильным желтым:

Мышечная слабость 60%, легкая контузия.

Угроза жизни: отсутствует.

— Логан! — голос Мары из темноты заставил меня мгновенно подобрать сопли.

Девушка стояла на четвереньках в воде, которая уже заливала пол кузова сквозь щели в дверях. Ее пальцы судорожно вцепились в ремень противоударного кейса с терминалом.

А перед ней, посреди кузова, разворачивался кошмар.

Свинцовый кофр сорвало с растяжек. От удара тяжелый ящик перевернулся, свинцовая крышка отлетела в угол, и все его содержимое выплеснулось наружу.

Это больше не было мёртвым камнем.

Густая багровая масса, похожая на закипающую смолу, вздувалась пузырями прямо на рифленом железе пола. Смешиваясь с грязной дождевой водой, текущей по днищу, дрянь шипела и испускала удушливый, сладковатый пар, пахнущий палёной плотью и аммиаком. В самом центре сгустка тускло пульсировало Ядро — осколок кристалла уже растворился на три четверти, выпустив наружу полупрозрачное, сегментированное тело личинки размером с собаку.

У твари не было лап — только десятки тонких, членистых жгутиков, которые с мерзким чавканьем впивались в металл кузова, проплавляя железо микроскопическими каплями кислоты.

Внимание: Зафиксировано рождение био-объекта класса «Матка-Омега».

Стадия развития: Неонатальная.

Психо-эмиссия: Поиск носителя.

Один из белесых жгутиков с влажным щелчком метнулся в сторону Дина.

Парень дёрнулся, попытался отползти, но ноги после яда слушались плохо — он только неловко засучил пятками по скользкому железу, задев затылком стойку.

— Назад! — рявкнул я.

Мышцы сработали быстрее мыслей. Я перемахнул через сломанную перегородку кабины, сдирая кожу на ладони о рваный край жести.

Пшик!

На бегу я даже не сообразил, зачем нажал на клапан баллончика — струя спирта ударила в натянувшийся в воздухе жгутик твари.

Чудовище зашипело. Не от спирта — от чужеродной стерильности. Высококонцентрированный спирт обжег слизистую оболочку неонатальной ткани, и жгутик судорожно сжался, отдёрнувшись назад к эмбриону.

Резерв маны: 5/45

— Дин, брезент! — заорал я, падая на колени между парнем и пульсирующей тварью.

Механик не стал задавать тупых вопросов. Он перехватил кусок толстого армейского брезента, в котором еще днем дрых Гарт, и швырнул его мне. Я перехватил тяжёлую промасленную ткань, обмотал ею левое предплечье в три слоя и выставил вперед.

Личинка почувствовала тепло живого тела. Багровый сгусток вздулся, десятки мелких фасеточных глазков на её слепой морде вспыхнули рубиновым светом. Из разорванного брюшка Гонца, останки которого мы бросили еще на заводе, ей передалась генетическая память — она искала нервную систему, чтобы врасти в неё и начать деление.

Тварь прыгнула.

Беззвучно, как комок мокрой глины, брошенный из пращи.

Она врезалась мне прямо в выставленную руку. Удар был тяжелым, маслянистым. Десятки кислотных присосок мгновенно впились в брезент, ткань задымилась, запахло жжёной тканью и химией. Жгутики пытались пробить волокна, добираясь до кожи.

— Хрен тебе, — процедил я сквозь зубы.

Холод из затылка рванул по плечу. Я не стал тратить скудную ману на заклинания атаки — у некро-логиста муниципального разряда их попросту не было в арсенале. Я сделал то, что делал каждую смену в перерабатывающем цеху.

Инициация протокола: Логистический стазис (Прерывание биологического тока)

Расход маны: 4 единицы

Текущий резерв: 1/45

Я не убивал её. Я послал короткий, мертвенный импульс абсолютного окоченения прямо в проводящие пучки кристалла — так некро-утилизаторы глушат рефлекторные судороги у полуразобранных тварей перед загрузкой в дробилку.

Личинка замерла. Багровый свет в её глазках на мгновение потух, жгутики безжизненно повисли, словно варёные макароны.

— Гарт! — крикнул я, сгибаясь под весом замёрзшей твари. — Ведро!

Сзади уже вырос старик. Лицо ветерана было серым, из разбитой брови текла сукровица, но движения оставались точными, как у гидравлического пресса. В руках он держал стальное оцинкованное ведро из-под щелочи.

Одним движением Гарт насадил ведро на эмбрион прямо поверх моего брезентового нарукавника, провернул его по часовой стрелке, сдирая тварь с ткани, и с силой впечатал ведро в железный пол кузова дном кверху.

— Сверху садись! — рявкнул он мне.

Я навалился всем весом на перевёрнутое ведро. Под металлом тут же глухо, яростно забилось, засвербело — стазис отпустил неоната через три секунды, но пробить миллиметровую сталь без разгона тварь пока не могла.

— Держи ее, Логан, — Гарт схватил валявшуюся на полу кувалду и положил её боек прямо на днище ведра, придавив намертво. — Не уйдет. Дин, давай руку.

Старик рывком поднял тощего механика на ноги и прислонил его к борту. Дин поморщился, потряс затёкшей ногой, но устоял.

— Я сам... сам могу, — буркнул он, вытирая нос грязным рукавом. — Только не трясите. У меня в башке будто ротор от генератора клина поймал.

— Снаружи чисто? — я повернулся к кабине.

Мара уже стояла на коленях на переднем сиденье, глядя сквозь разбитое лобовое стекло наверх.

Мы сидели на дне гигантского бетонного колодца накопителя. Стены уходили вверх на добрых двадцать метров, скользкие, заросшие черным мхом и тиной. Вверху, сквозь пролом в парапете, куда мы только что сверзились, хлестал ливень и метались лучи прожекторов. Гул лопастей «Коршуна» звучал глухо, с перебоями — вертушка корпорации не могла протиснуться в узкое горло переливного каньона и кружила над дамбой, не решаясь спускаться в слепую зону.

— Они вызывают штурмовую группу на тросах, — быстро проговорила Мара, не отрывая взгляда от экрана терминала. — Тепловизоры сквозь воду и пар нас не берут, но это ненадолго. Через три минуты они скинут поисковые дроны.

— Где могильник? — спросил я, доставая из кармана баллончик. Руки тряслись мелкой дрожью.

Пшик. Пшик. Пшик.

Спирт залил ободранную ладонь. Боль отрезвила, выбивая из головы мутный туман истощения.

— Мара. Где шлюз?

Девушка спрыгнула с сиденья прямо в воду, плескавшуюся на полу кузова, и указала тонким пальцем в темноту за разбитой кормой фургона.

— Там.

В тридцати метрах позади нас, в глухой наклонной стене бетонного колодца, чернел полукруглый зев технического туннеля. Вода уходила туда с тяжёлым, всхлипывающим звуком, закручиваясь в широкую воронку. Над входом в туннель тускло светилась полустертая надпись желтой несмываемой краской: *«Объект 7-Б. Аварийный сброс. Вход без допуска класса А-3 запрещен»*.

— Военная консервация сороковых годов, — быстро заговорила Мара, поправляя съехавший капюшон. — Там внутри сухой технический отсек и шлюзовая шахта могильника. Туда сливали отходы после прорыва девяносто восьмого. Если мы дотащим эту дрянь до шахты и активируем гидрозатвор, ее запечатает жидким стеклом. Навсегда.

— Дотащим, — Гарт сплюнул под ноги и наклонился к ведру. — Хватай за ручку, Логан. Дин, бери помповик. Если из туннеля полезет местная падаль — стреляй в брюхо, не экономь.

— Дед, я стрелять умею только из масляного шприца, — окрысился Дин, но тяжелый старенький винчестер из рук старика взял, перехватил за цевье и щелкнул затвором с на удивление профессиональным щелчком. Пальцы механика работали на рефлексах, даже когда мозг плавился от контузии. — Логан, а с машиной что? Мы её здесь бросим?!

Я посмотрел на наш фургон. Левое колесо вывернуло под неестественным углом, радиатор превратился в лепешку, из-под капота с шипением вырывались остатки пара. Базальтовая корка спасла нам жизни, но машина умерла. Окончательно.

— Металлолом, Дин, — жестко сказал я. — Забудь. Забирай инструмент из кабины и выкатывайся.

Парень скривился, словно у него вырвали коренной зуб без заморозки, но спорить не стал. Он нырнул в кабину, вытащил брезентовую сумку с самыми ценными ключами, повесил ее через плечо и спрыгнул в воду за борт. Вода доходила ему почти до колена.

Гарт снял с ведра кувалду. Мы с ним синхронно подхватили ведро за края, просунув под низ прочную металлическую крышку — тварь внутри мгновенно забилась, скребя по металлу кислотными жгутиками, пытаясь разломать нашу импровизированную ловушку. Железо жгло пальцы холодом и химическим жаром одновременно.

— Пошли! — скомандовал я.

Мы шагнули в чёрную воду накопителя, пробираясь против течения к зеву туннеля.

Сверху, сквозь рев бури и шум падающей воды, донесся пронзительный вой реактивных турбин. Луч прожектора с дамбы наконец нащупал дно колодца, мазнул по изувеченному остову нашего фургона и замер.

Следом за лучом в пролом полетели серые светящиеся шары — поисковые боевые дроны ЧВК «Орион».

— Быстрее! — крикнула Мара, первой ныряя под низкий свод технического туннеля.

Мы ввалились в бетонную трубу в тот самый момент, когда над колодцем раздался треск крупнокалиберных очередей — дроны начали пристрелку по брошенной машине.

В туннеле было темно, сыро и пахло столетней ржавчиной. Вода здесь текла тонким слоем, едва прикрывая щиколотки, а впереди, в мерцающем свете фонарика Мары, уже вырастала массивная круглая дверь шлюза с трехлучевым корабельным штурвалом посредине.

Дверь в могильник. Наш единственный шанс не стать кормом для корпоративной Матриархи.

Глава 7. Могильник

Ржавый штурвал шлюзовой двери не поддавался.

Гарт навалился на него всем корпусом, вздувая жилы на шее. Мокрый брезент куртки затрещал на его широких плечах, сапоги с мерзким чавканьем проскальзывали по заиленному бетону, но стопудовый трехлучевой маховик сдвинулся лишь на пару миллиметров, осыпая нас хлопьями бурой окалины.

— Заклинило к чертям, — прохрипел старик, и изо рта у него снова брызнула ёмная сукровица. Базальтовая броня обошлась ветерану слишком дорого: внутренние резервы иссякли, а системный маркер над его плечом упрямо мигал тревожным алым оттенком:

Перенапряжение ядра. Риск кристаллизации сосудов

Позади, со стороны входа в туннель, раздался нарастающий электрический гул.

Воздух в трубе задрожал. Первый разведывательный дрон ЧВК «Орион» втянулся под своды коллектора. Его спаренные роторы поднимали тучи едкой водяной пыли, а рубиновый глаз дальномера уже шарил по мокрым стенам, оставляя на бетоне тонкую сетку лазерной разметки.

— Логан, они внутри! — вскрикнула Мара, вжимаясь в стену возле распределительного щита. Её пальцы лихорадочно вбивали команды в раскладную консоль, подключенную напрямую к силовому кабелю шлюза. — Автоматика мертва! Тут нет внешнего питания, механические ригели закисли сорок лет назад!

Ведро под моими руками снова взбесилось.

БУМ.

Удар изнутри был такой силы, что оцинкованная жесть выгнулась угловатым клином. Тварь не просто билась — она плавила металл. Запахло палёным цинком, кислотой и прелой кровью. Капли белесой слизи начали сочиться из-под обода ведра, разъедая воду под нашими ногами с ядовитым шипением.

Внимание!

Целостность временного изолятора снижена до 34%

Пси-давление объекта «Матка-Омега»: 120 Па (критический порог)

Синхронизация с носителем: 18%... 24%...

В висках заломило с такой силой, будто кто-то вогнал мне под череп раскаленную спицу. В ушах зазвучал тонкий, влажный шепот сотен невидимых жвал, умоляющих, требующих, зовущих: ***«Впусти... накорми... дай плоть...»***

— Заткнись, — процедил я сквозь зубы.

Пшик. Пшик.

Я выхватил баллончик свободной рукой и залил струей чистого спирта края ведра, откуда сочилась кислота. Тварь внутри взвизгнула на неслышимой человеку частоте — стекло на экране терминала Мары мгновенно пошло паутиной трещин.

— Дин! — гаркнул я, едва удерживая ловушку ладонями в обожженных перчатках. — Лом! Ключ! Что угодно!

— Не ори под руку, без тебя тошно! — взвизгнул Дин.

Хромая на обе ноги, механик подскочил к двери. Его лицо было бледным, как сырая штукатурка, но в глазах горело бешеное упрямство крысы, загнанной в угол. Он швырнул помповик на колени Маре, сорвал с плеча свою брезентовую сумку и вытащил тяжелый раздвижной трубный ключ пятого номера — здоровенную полутораметровую железяку из легированной стали.

— Дед, держи штурвал внатяг! — Дин с размаху вогнал губки ключа между спицей маховика и упорным штырем запорного механизма. — Логан, если не провёрнем — вали меня первым, я под пулеметы не пойду!

Гарт навалился снизу, подбивая рычаг плечом. Дин повис на рукояти всем своим тощим телом.

Металл взвизгнул. Столетняя ржавчина внутри замка лопнула со звуком разорвавшейся гранаты. Штурвал с глухим щелчком провернулся на четверть оборота, затем легче — на полоборота, и тяжелые тридцатисантиметровые ригели с протяжным скрежетом полезли из пазов.

В этот момент за нашими спинами темноту туннеля распорола пулеметная очередь.

Пули ударили в бетон над нашими головами, кроша камень в щебень и осыпая нас колючим дождем. Дрон «Орион-4» завис прямо в створе трубы. Спаренные роторы взбивали пену, слепящий луч прожектора прижал нас к металлу створок, а под брюхом аппарата с сухим механическим лязгом довернулся пулемётный блок.

— Ложись! — заорал Гарт, сгребая Дина за шиворот и впечатывая его в угол ниши.

Мара даже не пыталась целиться. Не поднимаясь с колен, она вскинула дробовик навстречу слепящему свету и дважды дернула спуск.

БАМ! БАМ!

Грохот в замкнутом пространстве туннеля ударил по ушам так, что мир мгновенно оглох, наполнившись тонким, протяжным звоном. Тяжелая вольфрамовая картечь веером хлестнула по стенам, чудом попав по дрону. Один заряд срикошетил от бронеколпака, выбив фонтан искр, но второй разнёс в щепки правый ротор и оптический узел. Дрон жалобно взвыл, клюнул носом, полоснул уцелевшими лопастями по бетонному своду и с брызгами рухнул в воду, яростно молотя винтами по тине.

— Дверь! Толкай! — крикнул я, срывая голос.

Мы навалились втроём. Гарт упёрся плечом, Дин давил здоровым боком, я рвал ручку на себя, удерживая равновесие сапогами на скользком бетоне. Столетние петли застонали, металл заскрежетал о камень, осыпая нас хлопьями рыжей ржавчины, и тяжёлая плита шлюза наконец стронулась, открывая полутораметровую щель.

Из темноты могильника пахнуло сухим, ледяным склепом.

— Мара, внутрь! — скомандовал Гарт.

Девушка протиснулась первой, прижимая кейс к груди. Следом Дин пропихнул свою сумку с инструментами и кубарем ввалился в проем.

Оставались мы с Гартом и чёртово ведро.

Жесть под бойком кувалды уже вздулась уродливым пузырем. Кислота проела боковину — белесый жгутик твари вырвался наружу, слепо хлеща по воздуху и разбрызгивая едкую дрянь. Капля попала мне на голенище сапога, резина мгновенно зашипела, обугливаясь и пропуская химический жар к голой коже.

Внимание!

Целостность временного изолятора: 4%

Угроза прорыва: Критическая

— На счет «три»! — крикнул Гарт, перехватывая ведро за дужку. Вены на его висках набухли, превращаясь в темно-серые каменные жгуты — старик выжимал последние крохи резерва. — Раз... два... пошел!

Мы сорвали конструкцию с пола. Тварь внутри взвыла, поняв, что давление ослабло — дно ведра лопнуло, и наружу полезли десятки белесых жгутиков, с чавканьем цепляясь за наши куртки.

Я вбил ладонь прямо в расплывающуюся багровую жижу, чувствуя, как холод некростазиса в последний раз вгрызается в плоть личинки. И почувствовал, как внутри меня что-то щелкнуло и погасло. Ноль. Мана кончилась. Я был пуст.

Мы ввалились в шлюз, рухнув на сухой рифленый настил. Гарт тут же пинком захлопнул тяжеленную створку, а Дин, перехватив раздвижной ключ, с диким матом загнал ригели обратно в пазы. Металл глухо щелкнул. Замки встали на боевой взвод.

Через секунду с той стороны в дверь ударила глухая пулеметная очередь — подошел второй дрон. Но тридцать сантиметров закаленной фортификационной стали лишь отозвались тяжелой, глухой вибрацией.

Мы были внутри.

— Фонарь... включите фонарь... — прохрипел Дин, сползая по переборке на пол.

Мара щелкнула тумблером на терминале. Широкий луч белого диодного света разрезал вековую пыль огромного подземного бункера.

Это был накопитель аварийного сброса Сектора 7-Б. В центре круглого зала зиял массивный колодец диаметром метра три, окаймленный толстым кольцом предупредительной желто-черной разметки. Над шахтой нависали четыре мощные форсунки высокого давления, покрытые толстым слоем консервационной смазки, а на стене тускло светился единственный рабочий индикатор аналогового пульта: *«Гидрозатвор. Резервуар заполнен (Жидкое стекло / Силикат-Б)»*.

Личинка на полу зашевелилась. Ведро развалилось на две половины, и багровый ком биомассы, уже начавший отращивать хитиновые чешуйки первой фазы, пополз прямо к нам, оставляя за собой дымящийся кислотный след.

— В шахту её! — Гарт схватил кувалду за рукоять, размахнулся, как заправский гольфист, и с глухим хряском впечатал тяжёлый боек в пульсирующее тело твари.

Сгусток с визгом покатился по наклонному полу, сорвался с края и с влажным шлепком рухнул в бездонную черноту колодца.

Мара уже стояла у пульта. Сорвав свинцовую пломбу со спаренного рычага аварийного сброса, она обеими руками рванула его вниз.

ВНИМАНИЕ: АКТИВАЦИЯ АВАРИЙНОЙ КОНСЕРВАЦИИ

СБРОС СИЛИКАТНОГО КОМПЛЕКСА: ПОШЕЛ

Глубоко в недрах станции с ревом ожили древние пневматические насосы. Из форсунок над колодцем с оглушительным свистом ударили струи мутно-белой, вязкой жижи. Тысячи литров быстротвердеющего силиката хлынули в шахту, запечатывая дно многометровым слоем искусственного камня.

Снизу донесся пронзительный, затихающий писк чудовища, который мгновенно захлебнулся в тяжёлой массе застывающего стекла.

Через десять секунд датчик на панели щелкнул, меняя цвет с жёлтого на мёртвенно-зелёный.

Резонанс Разлома: 0%

Биологическая активность в секторе: Не обнаружена

Статус цели: Утилизирована

В зале повисла тяжелая, гулкая тишина, нарушаемая только нашим хриплым дыханием и капелью конденсата с потолка.

Гарт тяжело опустился на ящик из-под запчастей, уронил кувалду на пол и закрыл лицо грязными, перепачканными сажей и кровью ладонями. Каменная корка с его предплечий окончательно сошла, оставив после себя багровые лопнувшие сосуды.

Дин сидел у гермозатвора и нервно, беззвучно трясся мелкой дрожью отходняка.

Я прислонился к холодной бетонной стене, медленно сполз по ней вниз и достал из кармана баллончик со спиртом.

Пшик. Пшик.

Нажал на клапан в третий раз — раздалось лишь пустое, жалобное шипение. Кончился.

— Мара, — хрипло позвал я, глядя в темноту свода. — Твоя машинка расшифровала что было на накопителе?

Девушка не отрывала взгляда от экрана терминала. В свете монитора ее лицо казалось высеченным из гипса, а глаза неестественно блестели.

— Не только данные по Гонцу, — тихо ответила она. Её пальцы замерли над клавишами. — Здесь полная база поставок био-сырья для «Чистого Города». Список лабораторий, имена заказчиков из Сити... только что пришла ориентировка от куратора проекта ликвидации.

Она повернула экран ко мне.

На дисплее горел герб ЧВК «Орион», а под ним — список целей на зачистку. Наши четыре фамилии шли первыми. Но в графе «Основание для ликвидации» стояла вовсе не кража Ядра.

Там светилась короткая системная строчка:

«Свидетели сокрытия прорыва нулевого уровня. Протокол "Тишина". Выживших не оставлять».

— Они знали, что Разлом прорвет дамбу, — прошептал Дин, поднимая на нас ошалевшие глаза. — Они сами его вскрыли...

Гарт медленно поднял голову. В полумраке бункера его выцветшие старческие глаза смотрели на нас холодно и абсолютно трезво.

— Значит, мы больше не утилизаторы, — глухо произнес ветеран, поднимая с пола дробовик. — Нас самих списали в утиль вместе с городом. Вопрос только в том, Логан... как мы будем отсюда выбираться?

Я посмотрел на индикатор заряда терминала, на бронедверь за нашими спинами и на глухой аварийный ход, уходящий вглубь заброшенных катакомб.

Маны не было. Оружия почти не осталось. Связи не существовало.

— Ногами, Гарт, — я с трудом поднялся на ноги, опираясь на шершавый бетон. — Выбираться будем ногами. И желательно — до того, как они решат залить бетоном всю эту чёртову станцию вместе с нами.

Глава 8. Мясник

Пустой баллончик весил до обидного мало.

Я нажал на помпу раз. Другой. Третий. Никакого спасительного пшика — только сухое, издевательское клацанье пластика. Внутри не осталось ни капли изопропила. Ни молекулы стерильности.

Мои ладони покрывала корка из запекшейся черной сукровицы эмбриона, копоти, мазута и серой известковой пыли. Под ногтями чернела липкая дрянь, которая пахла тухлым белком и щелочью. Кожа чесалась так, будто под эпидермис запустили сотню микроскопических клещей. Желудок свело мучительным, голодным спазмом брезгливости.

Хотелось содрать с рук кожу наждаком. Вместо этого я сунул бесполезный флакон в карман разгрузки — выбросить инструмент, который столько раз держал мою крышу на месте, рука не поднялась — и вытер ладони о штанины. Стало только хуже: брезент комбинезона давно пропитался ядовитой слизью и ржавчиной.

— Логан, не три, до мяса раздерёшь, — негромко бросил Гарт.

Старик стоял у узкой аварийной двери в дальнем конце бункера, привалившись плечом к бетону. Лицо у ветерана было серым, словно его вымазали золой, дыхание вырывалось из груди со свистящим клокотанием. Но дробовик он держал спокойно, опустив ствол под сорок пять градусов, а пальцы левой руки машинально перебирали гильзу на шее.

— Идем, — сказал я, с силой стиснув кулаки, чтобы унять дрожь. — Мара, сколько до внешней ветки?

Девушка захлопнула защитную крышку терминала и перекинула ремень через плечо. Она выглядела так, будто не спала полгода: веки припухли, губы искусаны до крови, худые плечи вздрагивали под огромной для неё курткой Дина.

— Семьсот метров по технической дренажке, — ответила она хриплым, сорванным шепотом. — Выйдем в главный коллектор седьмого сектора. Там старая магистраль ливневки диаметром в шесть метров. По ней раньше сбрасывали технические воды химкомбината. Сейчас уровень низкий — по щиколотку. Дойдём до заброшенного товарного тупика на окраине, а там можно вылезти на поверхность в районе свалок.

— Район свалок, — прохрипел Дин с пола. Он с трудом поднялся, цепляясь за стеллаж, и пошатываясь, как пьяный матрос, встряхнул ногами. — Замечательно. Обожаю свалки. Там так уютно, особенно когда за твою задницу дают восемьдесят кусков.

Парень поправил сумку с инструментом, с которой не расставался ни при каких обстоятельствах. После паралича его пальцы двигались медленно, словно чужие, но механик упрямо держался на ногах.

Я вызвал статус. Интерфейс на сетчатке мигнул тусклым, полумертвым серым огоньком.

Резерв маны: 3/45 (Критический уровень)

Скорость восстановления: 1 ед. / 15 минут (Дебафф: Психосоматический шок / Истощение)

Статус: Острая токсическая астения

Три единицы. Этого хватило бы разве что на то, чтобы заставить дёрнуться лапку дохлого таракана. В случае серьезной заварухи я был полезен примерно так же, как пустое ведро из-под щелочи.

— Гарт — первый. Дин за ним, потом Мара. Я замыкаю, — скомандовал я, отжимая тяжелую поворотную ручку аварийной двери.

Петли скрипнули, и нас обдало сырым, тяжелым духом подземелья. Никакого сквозняка — воздух здесь стоял десятилетиями. Смесь метана, сероводорода, сладковатого грибного мицелия и химической гари.

Мы шагнули в темноту.

Узкая труба аварийного хода шла под уклон. Бетон под ногами был скользким, покрытым толстым слоем вонючего ила, в котором время от времени попадались кости — то ли собачьи, то ли человеческие. Фонари старались не включать: Мара вела нас по тусклому экрану навигатора, настроенного на минимальную яркость.

Через десять минут ходьбы туннель выплюнул нас в гигантскую артерию главного коллектора.

Свод уходил вверх метров на восемь. Под ногами с глухим рокотом текла чёрная маслянистая жижа, испускающая радужные пары. Вода едва доходила до щиколоток, но резина ботинок отозвалась знакомым тянущим зудом — кислотность зашкаливала.

— Слышите? — внезапно замер Гарт, вскидывая раскрытую ладонь.

Мы остановились. Тишина коллектора была обманчивой: где-то сверху монотонно капала вода, гудели старые вентиляционные шахты, но сквозь этот привычный шум пробивалось нечто иное.

Далекий, ритмичный лязг железа о железо. И приглушенные, эхом раскатывающиеся голоса.

— Далеко? — одними губами спросил я Мару.

Она присела на корточки, прижав щуп сканера к мутной жиже под ногами. Экранчик мигнул.

— Впереди по курсу. Триста метров. Распределительный узел «Север-3». Там сухая платформа и железнодорожная ветка для ремонтных дрезин.

— Кто? — нахмурился Гарт.

— Сигнатуры кустарные, — быстро прошептала девушка. — Много открытого огня, бензиновые генераторы без глушителей. Это не «Орион». Корпораты так не шумят.

— Мусорщики, — выдохнул Дин, нервно переступая с ноги на ногу. — Я же говорил. Это дно седьмого сектора. Тут сидит банда «Ржавых Клыков». Они крышуют южные доки и держат нелегальный рынок запчастей Разломов.

— Обойти можно? — спросил я.

Мара покачала головой, и в полумраке блеснули её расширенные зрачки.

— Нет. Все боковые шандоры заварены еще до прорыва девяносто восьмого. Единственный выход к железнодорожным тупикам идет через их платформу. Если вернемся назад...

Договорить она не успела.

Далеко позади нас, в глубине покинутого нами бункера, раздался тяжелый, утробный ГРОХОТ.

Земля под ногами ощутимо вздрогнула. По своду коллектора пробежала мелкая дрожь, осыпав нас сухой штукатуркой и струйками ржавой воды. Эхо взрыва докатилось до нас секундой позже — свистящий, налитый яростью удар сжатого воздуха. Термобарический заряд. Армейская работа.

— Шлюз взорвали, — глухо сказал Гарт, поворачивая голову назад. В темноте его глаза блеснули тусклым янтарем. — Тридцать сантиметров броневой стали на молекулы разнесли. Они идут по трубе.

— Вперед, — скомандовал я, чувствуя, как в горле пересыхает. — Быстро. Но без брызг.

Мы побежали. Бежать по скользкому, заваленному мусором дну трубы было сущим адом. Дин задыхался, его лёгкие после плесневого яда свистели, как дырявые кузнечные мехи. Гарт тяжело хромал, но двигался с методичностью дизельного локомотива.

Через двести метров свод коллектора начал расширяться. Впереди забрезжил грязно-оранжевый, дрожащий свет. Пахнуло жареным суррогатным мясом, паленой резиной, дешевым табаком и немытыми телами.

Мы выскочили к «Камере гашения».

Это был гигантский подземный зал, где сходились четыре ветки канализации. Посреди зала возвышалась сухая бетонная платформа, освещённая чадящими факелами из пропитанных мазутом тряпок и подвешенными к балкам аккумуляторами с автомобильными фарами. В центре платформы стояли две ржавые дрезины, переделанные под броневики — на них были наварены листы кровельного железа и установлены спаренные крупнокалиберные пулеметы ДШК кустарной сборки.

Вокруг горели костры в железных бочках. У бочек грелись человек пятнадцать-двадцать.

Зрелище было колоритным. Прорезиненные шахтёрские плащи, кевларовые щитки, снятые с трупов ликвидаторов, шлемы с наваренными рогами из арматуры, респираторы с торчащими вбок фильтрами. У большинства на открытых участках кожи виднелись уродливые наросты — следы спонтанных мутаций низших рангов. В руках — обрезы, охотничьи карабины, цепи и тяжёлые пневматические клевцы для разделки панцирных тварей.

Мусорщики. Падальщики седьмого сектора.

Они заметили нас в ту же секунду, как мы вывалились из зева трубы.

Лязгнули десятки затворов. Трое мародёров, сидевших на капоте дрезины, мгновенно вскочили на ноги, вскидывая стволы.

— Стоять, гниль подвальная! — взревел хриплый, прокуренный голос из глубины платформы.

Толпа расступилась. Вперед вышел здоровяк под два метра ростом, в тяжёлом фартуке из толстой сыромятной кожи, заляпанном засохшей бурой кровью. Вместо левого глаза в его череп был грубо, прямо на латунные болты с крупной резьбой, вкручен оптический прицел от тяжелой винтовки. Линза внутри окуляра с сухим механическим жужжанием провернулась, меняя фокус. На правом плече гиганта небрежно, словно деревянная палка, лежал тяжелый промышленный рельсорез с бензиновым мотором. Оружие весило под тридцать килограммов, но здоровяк даже не напрягал плечо.

Я видел узловатые, бугристые сухожилия на его запястьях, перебитую переносицу, застарелые химические ожоги на шее и то, с какой ленивой, звериной грацией он перекатывал вес с пятки на носок. Этот ублюдок голыми руками ломал позвоночники и жрал все, что шевелилось в Разломах.

— Опаньки, — осклабился здоровяк, обнажив сточенные до десен железные коронки. Красный огонек его механического глаза сфокусировался на мне, затем медленно переполз на Гарта. — Гляньте-ка, хлопцы, кто к нам на огонек из говна вынырнул. Чистенькие. С железом военным.

— Мы транзитом, — жестко сказал я, поднимая ладони на уровень груди. Сердце колотилось в горле. Грязь на пальцах зудела. — Нам нужен проход к товарному тупику. Мы заплатим.

— Заплатят они, — захохотал кто-то из толпы, сплёвывая сквозь жёлтые зубы под ноги. — Слыхал, Мясник? Городские крысы хотят купить проход!

Главарь банды не смеялся. Он наклонил голову набок, прищурил уцелевший глаз, и его искусственный окуляр с жужжанием провернулся, меняя фокус.

— Я узнаю этот голос, — медленно протянул Мясник, указывая кончиком рельсореза на меня. — Неужто сам доктор к нам пожаловал. Тот самый Логан. Фельдшер-чистюля с шестого санитарного кордона.

Мусорщики защелкали затворами, но с платформы не слезли: Гарт вовремя вскинул помповик, глядя точно в перекрестье оптики главаря.

— Пять лет прошло, Логан, — осклабился здоровяк, обнажив сточенные до дёсен железные коронки. — А ты все такой же брезгливый. Все носишься со своими склянками? Помнишь карантинную станцию на шестом секторе? Когда ты ещё ходил в белом защитном костюме с нашивками санинспектора и мнил себя богом?

Я не ответил. Челюсти свело так, что заболели зубы.

— Мой караван тогда три недели по разломам ползал, — Мясник сплюнул густую коричневую слюну прямо под ноги. — Семь мешков первосортного хитина притащили. А ты, сука сопливая, на порог нас не пустил. Орал про санитарный регламент, про споры серой гнили... Лично вентиль открыл и весь наш хабар в крематоре сжёг. А потом что? Что с тобой стало, доктор?

Он хрипло, утробно заржал.

— Через месяц тебя самого ссаными тряпками из инспекции поперли! Всю твою бригаду под трибунал пустили за ту темную историю с неучтенными кристаллами, а тебя, чистоплюя, спустили на самое дно. К нам, в говно. Теперь ты такой же мусорщик, Логан. Только я хозяин доков, а ты падаль утилизируешь за медные гроши.

— Мясник, — ровно сказал я, сдерживая дрожь в руках. — У тебя за спиной люди с карабинами. Если сюда зайдет «Орион», они не станут разбираться, кто из нас утилизатор в бегах, а кто просто бандит.

— Думаешь, я слепой? — оскал главаря исчез. Окуляр с сухим щелчком провернул диафрагму. — На вас ориентировка по закрытой корпоративной частоте гуляет. Восемьдесят кусков за четыре ошейника. Но я знаю корпоратов: они свидетелей не оставляют. Ни вас, ни моих парней. Только есть нюанс, доктор.

Он тяжело опёрся на рельсорез.

— В четвертой штольне — законсервированный армейский бункер связи. За ним герметичный туннель гражданской обороны прямо до товарной станции за периметром. И терминал с выходом на военную спутниковую сеть. Но входная бронедверь заперта на тройной гидрозамок с биометрией Санитарно-эпидемиологической службы старого образца. Мои умники третью неделю автогеном петли лижут — броня сорок сантиметров, даже не потеет. А тут ты, доктор, со своей сетчаткой. Судьба, мать её.

Мясник подался вперед, вперив в меня свой жёлтый, налитый кровью уцелевший глаз:

— Ставлю свой живой глаз на то, что твой старый допуск всё ещё висит в архивах центрального узла. Ты открываешь мне дверь — мы уходим вместе. Не откроешь — я прямо здесь переломаю вам кости кувалдой, сложу кучками у входа и брошу корпоратам. Может хоть патронов отсыплют.

Гарт чуть сместил ствол левее. Палец ветерана на спусковом крючке не дрожал.

— Не успеешь кувалду поднять, гнида, — спокойно бросил старик. — Патрон особенный. Твой фартук вместе с потрохами наизнанку вывернет.

Воздух в зале натянулся, как стальной трос под нагрузкой.

И в этот момент в трубе за нашими спинами тяжело, гулко плеснула потревоженная вода.

Из темноты вывалились шестеро.

Никакого парадного строя. В замкнутом пространстве коллектора тактика городских штурмов разваливалась на куски. Первый оперативник в тяжёлом композитном экзоскелете оступился — его нога в бронированном ботинке провалилась в скрытую под водой яму с мазутным илом. Сервопривод коленного сочленения взвыл с захлебывающимся скрежетом, металл хрустнул под перегрузкой, и наёмник завалился набок, подняв фонтан чёрных брызг.

— Контакт! Слева на эстакаде! — заорал замыкающий. Его голос сквозь внешний динамик шлема сорвался на визг.

Стволы штурмовых карабинов дернулись. Бойцы ЧВК открыли беспорядочный огонь. Они не выцеливали — пальцы наёмников судорожно вдавливали спусковые крючки, длинные очереди вспарывали полумрак, с оглушительным треском выбивая из круглых сводов фонтаны крошеного бетона и ржавой окалины. Пули рикошетили от рельсов с протяжным, воющим визгом. Один из оперативников отступал назад спиной вперед, оскальзываясь в жиже, и поливал огнем пустую стену, где метались тени от факелов.

— Вали белых воротничков! — взревел Мясник.

С платформы полетели бутылки. Самодельная смесь отработанного масла и солярки ударила в щиток упавшего штурмовика. Густое, чадящее пламя мгновенно расползлось по композиту. Боец забился в мутной воде, скребя перчатками по горящему стеклу визора, сбивая пену, но огонь не гас, плавая прямо на поверхности стока.

— Дин, вентиль химсброса! — рявкнул Гарт, утягивая Мару за бетонный выступ дренажного колодца.

Парень среагировал без лишних слов. Забыв про ногу, он взлетел по ржавым скобам на боковую трубу, вогнал тяжелый разводной ключ между спицами чугунного маховика и навалился всем весом. Металл заскрежетал, сопротивляясь, затем с громким сухим щелчком лопнул стопорный болт.

Многотонная задвижка со стоном поползла вверх.

Из раструба верхнего яруса с бешеным ревом хлынул поток отработанной щелочи со станции регенерации. Горячая белая пена высотой в метр ударила штурмовикам в ноги, сбивая равновесие, заливая заборники дыхательных фильтров.

Один из наёмников попытался вскинуть карабин в сторону Гарта, но его ботинки буксовали в едкой мыльной жиже.

Три единицы силы. Мой резерв.

Я не стал плести плетения — на это не было ни маны, ни времени. Я просто ударил ладонью в комок плавающего у сапога наёмника волокнистого мицелия, влив в него одну-единственную искру некротической гнили.

Расход: 1 ед. маны (Остаток: 2/45)

Гнилая масса мгновенно вспучилась, выделив плотный пузырь метана прямо под подошвой штурмовика. Ботинок скользнул в сторону, наёмник потерял баланс и рухнул навзничь — прямо в кипящую щелочную волну. Из динамиков его шлема донесся булькающий, надрывный крик: герметичность костюма была нарушена, едкая химия пошла внутрь фильтра.

Мясник спрыгнул с платформы в воду, подняв стену брызг. Главарь даже не стал заводить рельсорез — он с размаху обрушил тяжёлый железный корпус инструмента на шлем ближайшего наёмника, вбив того в донный ил, как сваю.

— Доктор! — проревел гигант, поворачивая ко мне залитое копотью лицо. Его механический глаз бешено вращал линзами. — Быстро к чертовой двери! Они вторую волну подтянут — нас здесь хлоркой выжгут!

Он больше не скалился и не вспоминал старые обиды. Запах палёного пластика и вопли заживо варящихся в щелочи людей быстро выбивали спесь даже из хозяев подземелий.

— Мара, Гарт, за мной! — крикнул я, выдергивая Дина со скоб.

Мы рванули в темный зев четвертой штольни. Под ногами хрустели стреляные гильзы и битый кирпич. Впереди, в тупике тоннеля, показалась массивная круглая дверь бомбоубежища с рельефным гербом и потускневшей эмблемой биологической защиты. На стене рядом с ней тускло светился жёлтый глазок сканера.

Чтобы открыть этот чертов замок, мне нужен был чистый глаз. А вокруг стоял чад, в воздухе летала жирная сажа от горящей солярки, и пот заливал брови, неся с собой едкую заразу с немытого лба.

Глава 9. Чистый глаз

Жёлтый диод сканера подмигивал с мерзкой, издевательской частотой — раз в секунду. Тусклый огонек тонул в жирной, чадящей копоти, которой плевалось горящее масло на дне штольни.

Я прижался лицом к резиновому наглазнику прибора.

— *Идентификация,* — сухо прохрипел встроенный динамик под слоем бурой ржавчины. Тонкий пучок красного лазера полоснул по зрачку. — *Ошибка считывания. Загрязнение оптической зоны. Повторите попытку.*

— Твою мать...

По лбу текла горячая, едкая струя пота, смешанная с сажей и остатками щелочной пены. Она залила бровь, проникла под веко, и правый глаз мгновенно вспыхнул адской, разъедающей болью. Мир расплылся в мутную, грязно-бурую жижу.

Паника ударила в основание черепа, как ледяная игла. Грязь. Зараза прямо на слизистой. Я рефлекторно вскинул руку, пытаясь проморгаться, и с силой провел по лицу ладонью.

Это была чудовищная ошибка.

На моих ладонях толстым слоем лежала запекшаяся кровь эмбриона, ил со дна коллектора и маслянистый нагар от гранаты. Я только глубже втер эту дрянь в глазницу. Веко закололо сотнями раскаленных песчинок, перед глазами встала непроницаемая кровавая пелена, а из носа непроизвольно хлынули сопли.

— Логан, твою дивизию! — заорал Дин за моей спиной, сжимая в руках свой ключ на девятнадцать. — Они уже на подходе! Открывай эту консерву!

Я судорожно тер глаз рукавом, задыхаясь от бессильной ярости, но становилось только хуже: жжение расползалось по всей правой половине лица, токсическая грязь въедалась в поры.

Сзади раздался тяжелый, булькающий смех.

Мясник, привалившись к стене штольни и опираясь на заляпанный кровью рельсорез, сплюнул темный сгусток прямо на разбитые гильзы у моих ног. Его искусственный окуляр с тонким жужжанием провернул кольцо линз, сфокусировавшись на моем перекошенном от боли лице.

— Что, доктор, запачкался? — осклабился гигант, обнажая железные коронки. — Сопли распустил, чистоплюй? Давай быстрее, пока наемники из тебя дуршлаг не сделали!

Злость обожгла не хуже спирта. Я зарычал сквозь зубы, подавляя тошнотворный позыв брезгливости. Пустой баллончик лежал в кармане бесполезным куском пластика — спасения снаружи не было.

«Спокойно. Думай, Логан».

Я нащупал зубами молнию на воротнике комбинезона, рванул её вниз, оголяя ключицу. Пальцы нырнули под внешний прорезиненный слой бронеткани — туда, к самому шву подкладки. Единственное место, куда не добрались ни щелочь из трубы, ни чёрная требуха трупоедов, ни мерзкая городская копоть. Чистый, сухой кусок плотного технического хлопка.

Я с силой прижал внутреннюю ткань к правому глазу, зажмурился до искр и методично, стиснув челюсти до хруста, вытер веко и слезный канал. Боль от трения была острой, но слёзы хлынули чистым потоком, вымывая сажу.

Моргнул. Раз. Другой. Размытый силуэт сканера снова обрел резкость.

Я снова впечатал глазницу в резиновый наглазник:

— Логан. Личный номер санитарного инспектора: 44-Бис!

Красный луч полоснул по сетчатке. Секунда вязкой, тягучей тишины, в которой было слышно только, как в основном коллекторе с треском лопаются от огня лампы дневного света.

Диод мигнул. Жёлтый сменился на зелёный.

Биометрия подтверждена.

Допуск: Служба карантинного контроля (Архив).

Снятие гидрозатворов.

Внутри стены с глухим, утробным стоном стронулись сорокалетние механизмы. Из щелей вокруг массивного полукруглого люка с оглушительным шипением вырвался воздух, пахнущий ледяной консервацией, и бронированная плита весом в пару тонн медленно подалась вперёд, отходя на гидравлических поршнях.

— Внутрь! — рявкнул я, наваливаясь на край тяжёлой двери.

Мы ввалились в темноту.

Воздух в бункере был ледяным, сухим и абсолютно неподвижным. Здесь пахло вековой пылью, слежавшейся бумагой, истлевшим сукном и сухим кварцевым песком. Запах старого военного архива, запечатанного ещё до того, как первые Разломы распороли границы сектора.

Мара щелкнула налобным фонарем.

Широкий луч рассек полумрак, выхватив ряды тяжелых металлических стеллажей, заваленных серыми картонными папками с полустертыми инвентарными номерами. В центре круглого зала, под низким бетонным куполом, возвышалась оперативная рубка: полукруглая панель связи с десятками тумблеров, гнёзд под толстые штекеры и тремя массивными экранами на электронно-лучевых трубках.

Девушка бросилась к пульту, сбросила кейс на металлический настил и ударила ладонью по главному рубильнику питания.

Щелк.

Ничего. Только сухой звук взведенной пружины.

Экраны остались черными, мертвыми стекляшками. Ни один индикатор не вспыхнул. Вентиляторы охлаждения не шевельнулись.

— Мертв, — Мара лихорадочно защелкала тумблерами ввода резерва. — Вся батарейная группа в подполе вытекла лет тридцать назад. Напряжения ноль. Логан, терминал пустой! Без внешнего питания я даже BIOS не подниму!

Мясник, ввалившийся в бункер следом за нами вместе с двумя выжившими бойцами своей банды, с размаху врезал кулаком по бронированному косяку двери. Металл загудел.

— Ты издеваешься, девка?! — взревел гигант, поворачивая ко мне перекошенную физиономию. В полумраке его механический глаз бешено крутил диафрагму. — Мы ради этого пыльного склепа людей в щелочи варили?! Где связь? Где военный туннель?! Если вы нас в тупик завели, я лично...

— Заткнись, мясо, — глухо бросил Гарт из темноты коридора.

Старик даже не смотрел на Мясника. Ветеран стоял на коленях у кабельного канала в полу, сорвав тяжелую рифленую крышку. Его пальцы, перемазанные сажей, ощупывали толстые жгуты проводки в свинцовой оплетке.

— Силовая трасса идет в технический отсек, — Гарт поднялся, тяжело опираясь на ствол помповика. Лицо его было серым, дыхание вырывалось со свистом, но движения оставались размеренными. — Там должен быть резервный дизель-генератор гражданской обороны. Военные стандарты не менялись полвека.

— Дин, за ним! — скомандовал я.

Механик, волоча за собой тяжелую сумку с инструментами, чудом не потерянную в этой заварухе, хромая, рванул в боковой технический карман вслед за Гартом. Через пару секунд оттуда донесся лязг сбиваемого замка и глухой голос старика:

— Нашел. Армейский «АП-16». Заслонки на месте, топливо в баке сухое, как порох, но масло превратилось в гудрон.

— Разжижай! — донесся панический голос Дина. — Факел давай! Прогреем картер, я вручную декомпрессор зажму!

И в этот момент из темного зева четвертой штольни, откуда мы только что пришли, донеслось тяжелое, ритмичное эхо.

Тум. Тум. Тум.

Это были шаги тяжелых сервоприводов. ЧВК «Орион» форсировал щелочной заслон.

— Идут, — прохрипел Хмырь — одноухий локатор Мясника, вжимаясь спиной в бетонный откос у входа и лихорадочно передергивая затвор покалеченного карабина. — Двое с щитами... и за ними тяжелый с огнеметом...

Мясник оскалился. Страх, на миг мелькнувший в его единственном глазу, сменился привычной, звериной яростью загнанного в угол волка. Он перехватил рельсорез двумя руками, резко дернул шнур стартера. Двухтактный двигатель инструмента взвыл оглушительным, визгливым ревом, выбросив сизое облако бензинового дыма. Зубчатый диск превратился в размытый сверкающий круг.

— Эй, калеки! — рявкнул главарь своим подручным. — Занимай сужение! Не давать им забросить шашки внутрь! Доктор, если через две минуты эта железка не оживет — я вас сам гранатами закидаю!

Мусорщики заняли позиции в узком шлюзовом тамбуре.

Снаружи грохнуло. Первая очередь крупнокалиберных бронебойных пуль вспорола бетон у самого входа в бункер, осыпав Мясника градом острых осколков. Здоровяк пригнулся, укрывшись за полуметровой броней открытой створки, и в ответ ударил из спаренного обреза, выбивая синее пламя в темноту штольни. Завязался глухой, яростный бой на дистанции пистолетного выстрела.

— Логан, Мара, быстрее! — донесся из подпола надсадный крик Дина. — Крути маховик, Гарт! ДАВАЙ!

В недрах станции что-то тяжело, со скрежетом провернулось. Один раз. Второй. Стартер кашлянул, выплюнул струю копоти, захлебнулся... и вдруг древний дизель подхватил солярку с оглушительным, вибрирующим ревом:

ТАК-ТАК-ТАК-ТАК!

Подвесные лампы под потолком бункера моргнули, вспыхнули тусклым жёлтым светом, наливаясь силой.

Оперативная рубка ожила.

Экраны на консоли щелкнули, заливая лицо Мары изумрудным фосфорным сиянием. Затрещали старые шаговые искатели, в чреве терминала с гулом раскрутился магнитный барабан памяти.

Пальцы Мары превратились в размытые тени. Она не печатала — она буквально вбивала команды в массивную механическую клавиатуру.

— Есть линк! — закричала она сквозь грохот дизеля и пальбу у входа. — Автономный узел спецсвязи Министерства обороны! Он до сих пор на горячем резерве!

На центральном мониторе побежали бесконечные зеленые строки данных. Мара замерла, вперившись в экран, и её лицо стало белее мела.

— Логан... смотри.

Я нагнулся над её плечом.

Городская сеть бурлила. Муниципальный канал безопасности транслировал экстренное сообщение с красной плашкой наивысшего приоритета. Четыре фотографии: я, Дин, Гарт, Мара. Под нашими лицами горела жирная надпись:

ВНИМАНИЕ: БИОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ. Группа утилизаторов-ренегатов совершила преднамеренный прорыв карантинного периметра в Секторе 7. Объект заражения: штамм Разлома «Омега». Приказ мэрии: Ликвидация на месте силами ЧВК «Орион». Вознаграждение за содействие: 200 000 кредитов.

— Они переписали протокол, — прошептала Мара, и её голос задрожал. — Они не просто списывают нас. Они готовят почву для сброса термических бомб на весь седьмой сектор. Чтобы скрыть следы своей фермы, они сожгут тут сто тысяч человек и свалят всё на нас!

Она на секунду замолчала. Пальцы замерли над клавиатурой. Когда Мара заговорила снова, голос стал другим.

— Если они сотрут этот архив, мы умрем просто как террористы. Просто мусор, который подобрал грязную бомбу. Но если я успею... — её глаза вспыхнули злым, холодным огнем. — Я сделаю так, что они будут гореть в аду даже после того, как нас не станет. Каждый из них. Каждый, кто ставил подпись под проектом «Сердце».

В шлюзе раздался истошный вопль.

Одного из бойцов Мясника — жилистого мутанта с больной ногой — буквально вырвало из укрытия шквалом кинетических пуль. Его тело куклой рухнуло на рифленый настил бункера, заливая пол черной, вонючей кровью.

— Граната! — проревел Мясник.

Тяжелый взрыв снаружи сотряс многотонные перекрытия. Ударная волна ворвалась в шлюз, сбив Хмыря с ног и швырнув его к моим сапогам. Парень визжал, зажимая разорванное осколками предплечье. Мясник устоял, но его кожаный фартук дымился, а из сорванного оптического окуляра на виске сыпались снопы электрических искр.

— Доктор! — прохрипел гигант, отстреливаясь из рельсореза, зубья которого искрили о композитные щиты наступающих штурмовиков. — Дверь! Мы не удержим их, у них термитные шашки!

Мара резко обернулась ко мне. Её глаза были расширены от ужаса, рука застыла над красной панелью с опломбированным тумблером:

— Логан... у меня полный доступ к гидросистеме шлюза. Я могу прямо сейчас опустить внешний бронезатвор. Эта дверь выдержит прямой ядерный удар. Но...

Выбор был прост и чудовищен.

Если опустить затвор сейчас — «Орион» останется снаружи. Но Мясник и его раненый стрелок тоже останутся там. Их разорвут на куски за тридцать секунд. Бандит, головорез, ублюдок, который пять лет назад сжёг бы меня за ящик тушенки, а сегодня стоял в дверном проеме, выигрывая для нас секунды.

Или...

— Мара, слей архив проекта «Сердце», — жестко сказал я. — На все открытые каналы. В мэрию, в прессу, в независимые гильдейские сети. Забей этим дерьмом каждый чёртов экран в Центральном куполе!

— Уже ушло! — крикнула она, ударив по клавише ввода. — Пакет ретранслируется через три армейских спутника! Через минуту это будет на всех терминалах города! А с дверью что?!

Мясник в шлюзе споткнулся. Очередь из плазменного карабина наемников ожгла его правое бедро. Гигант тяжело осел на одно колено, выронив рельсорез. Штурмовики «Ориона» в белых непроницаемых шлемах уже поднимали стволы для расстрела в упор.

— Не закрывай, — бросил я Маре.

Я сорвался с места. Резерв маны был пуст — ноль единиц, но адреналин выжег остатки слабости. Я перемахнул через разбитый пульт, влетел в шлюзовой тамбур, игнорируя свистящие над головой пули.

— Гарт! Помоги!

Из подпола выметнулся старик. Мы вдвоём вцепились в окровавленные ремни разгрузки стокилограммового Мясника. Ткань затрещала. Мясник орал, его обожженная нога волочилась по бетону, оставляя кровавый след. Я чувствовал, как рвутся мышцы на спине, но не отпускал

— Пошел, падаль! — взревел Гарт, натягивая жилы.

Мы рванули гиганта на себя в то самое мгновение, когда по внешнему косяку полоснула струя белого напалма. Мясник взвыл от боли, но мы уже волокли его по настилу внутрь.

— МАРА, РУБИ! — заорал я во всю глотку.

Девушка с размаху опустила тяжелый рубильник аварийной блокировки.

В потолке шлюза сработали пиропатроны. Многотонная свинцово-стальная плита внешнего затвора сорвалась с верхних фиксаторов и с чудовищным, оглушающим грохотом рухнула вниз, входя в пазы пола.

БУМ-М-М!

Земля под ногами подпрыгнула. Отрезанные пули наемников бессильно щелкнули по броне снаружи. Автоматические ригели толщиной в человеческую ногу с протяжным визгом вошли в гнезда, наглухо запечатывая нас от внешнего мира.

Наступила тишина.

Плотная, давящая тишина склепа, нарушаемая только монотонным рокотом дизель-генератора и нашим хриплым, надрывным дыханием.

Мясник лежал на спине, раскинув огромные руки. Его обгоревший кожаный фартук тлел, из пробитой ноги на пыльный бетон текла тёмная, венозная кровь. Он тяжело повернул голову, посмотрел на закрытую бронедверь, затем перевёл глаз на меня.

В его взгляде не было благодарности. Лишь ошалелое, дикое недоумение.

— Ты... совсем конченый, доктор? — прохрипел он, сплевывая кровь сквозь железные зубы. — Ты зачем меня втащил? Я бы тебя на ремни порезал при первой возможности. Ты мог просто нажать кнопку...

Я опустился на колени рядом с ним, тяжело дыша.

Руки мелко тряслись. Никакого изопропила. Никаких чистых салфеток.

Но внутри, под ребрами, где раньше бился панический, истерический ужас перед заразой, внезапно стало тихо и пусто. Холодный, р

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.